

42
А 82
ВЫСШИЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
ОТДЕЛ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ

СЕРИЯ НАУЧНЫХ МОНОГРАФИЙ ВЫП. 1

Проф. А. И. ЛУБНЫ-ГЕРЦЫК

ЧТО ТАКОЕ
ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

МОСКВА

1923

50
42
182

Институт
Л. Лубн

ВЫСШИЙ СОВЕТ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА.

ОТДЕЛ РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ.

Серия „НАУЧНЫХ МОНОГРАФИЙ“.

Вып. I.

1995-9

Проф. Л. И. ЛУБНЫ-ГЕРЦЫН.

ЧТО ТАКОЕ ПЕРЕНАСЕЛЕНИЕ

Государственный
исторический
Библиотека РСФСР

38836/80 ✓

1504/3

Москва — 1923.

100

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Народное хозяйство представляет процесс воздействия людей на внешнюю природу, а целью его является достаточное снабжение хозяйственными благами наличного количества потребителей.

Системы хозяйства и его технические приемы в истории постоянно менялись и были весьма разнообразны по месту. Однако, какую-бы систему, какую-бы форму хозяйства мы ни взяли, повсюду мы имеем перед собой два основных элемента: природу с ее запасами веществ и сил с одной стороны и хозяйствующее человеческое общество с другой. Повидимому это—самое основное, на что следует обратить внимание при анализе хозяйственного процесса.

Экономика капитализма выдвинула учение о трех факторах народного хозяйства: природа, труд и капитал. Однако не трудно показать, что труд есть функция населенности, а капитал—функция общественного труда. Поэтому, казалось бы, мы в праве признать отношение численности населения к запасу природных благ—основным хозяйственным отношением.

Отношение это выражается в абсолютном количестве природных благ, приходящихся в среднем на каждого человека.

При современных ресурсах нашего знания исчислить точно это количество вряд-ли возможно. Несомненно, однако, что численное возростание населения должно сокращать его. Возникает вопрос, до каких пределов его сокращение не приносит ущерба народному хозяйству и материальному благосостоянию человеческого общества?

Заинтересовавшись этой проблемой, я скоро убедился в том, что в экономической науке ей уделялось незаслуженно мало внимания. Это тем более удивительно, что ею охватываются явления естественно-исторического порядка, а между тем именно

увлечение естествознанием характерно для культурного мира в истекшее столетие.

К сожалению, приходится констатировать, что на экономическую науку естествознание оказало довольно одностороннее влияние. Экономическая мысль прежде всего восприняла идею о закономерности всего происходящего в мире и с большой энергией направилась в область исследования естественных законов хозяйственного развития.

Здесь не место подводить итоги этим исканиям, результаты которых далеко не всех в одинаковой степени удовлетворяют.

Не менее значительно косвенное влияние естествознания на экономику. Как известно, точные науки послужили основой блестящего развития техники; последнее же создало идею о всемогуществе человеческого гения и заслонило собою отношения, проистекающие также из природы и имеющие прямое отношение к экономической науке.

Техника раскрывает перед нами все новые возможности использования природных веществ и сил; она дает нам в руки средства удовлетворять все более полно и изысканно нашим потребностям. Но она не ставит вопроса, возможно-ли создать те или иные нужные, полезные или приятные человеку блага в достаточном количестве.

А между тем именно эта проблема, казалось-бы, должна особенно интересовать экономистов, поскольку конечной практической целью их является изыскание способов всеобщего под'ема благосостояния.

Хозяйственные блага должны не только производиться с наибольшей экономией вещества и сил; они должны производиться в количествах достаточных для удовлетворения потребностей всего хозяйствующего общества.

В развитии экономической науки этот центральный ее вопрос слишком часто оставался в тени. Увлеченная блестящими перспективами технических достижений, классическая экономия провозгласила лозунги, ведущие к победе форм хозяйства, производящих товары с наименьшими издержками. Система промышленной свободы дала необычайно сильный толчок естественному отбору в процессе всеобщей конкурентной борьбы; при этом должны были выживать технически более совершенные.

Однако не всегда стихийная борьба за существование приводила к желательному результату. Часто, слишком часто, люди соглашались сокращать издержки производства за счет полуголодного, животного существования. Не оправдались также надежды на всемогущество технического гения. Он оказался в состоянии совершенствовать приемы использования природных веществ и сил. Но он не может создавать их. Это обстоятельство первостепенного хозяйственного значения не было в достаточной степени учтено; повидимому не без влияния здесь оказалось создавшееся представление о неограниченном просторе колониальных стран.

Однако, по мере продвижения хозяйственной истории накопилось слишком много фактов, толкавших на пересмотр основных догматов классической экономии. Историческая школа экономистов ярко подчеркнула значение идиографического момента и динамических процессов. Но она является лишь переходным этапом.

Лишь организационно-хозяйственная наука, наука экономической политики в широком смысле слова, порывающая окончательно с принципом неограниченной свободы хозяйственного развития и задающаяся целью конструирования экономических форм, наиболее приспособленных создать всеобщий рост материального благосостояния, лишь она в состоянии в должной степени оценить значение природного фактора.

Возможные пределы производства и иных хозяйственных процессов в конечном результате определяются запасами природных благ. Количество земли, пригодной для сельского хозяйства, ограничено; расширение сельскохозяйственной культуры за счет сокращения лесных пространств уменьшает количества древесины, составляющей столь важное и часто незаменимое сырье; используя богатства горючих ископаемых, человечество расточает основной капитал, данный ему от природы, невозстановимый более; источники рудных богатств разрабатываются все с большей энергией. При этом, чем более возрастает численность населения, тем интенсивнее происходят все эти процессы, тем тревожнее становится вопрос о пределах, положенных от природы развитию народного хозяйства, тем очевиднее становится, что в конечном итоге количества сырья определяют как раз-

Государственный архив — Ленинград

меры производства, так и снабжения. Число потребителей, число „едоков“ должно все больше входить в сферу экономического мышления...

Изложенные соображения заставили меня обратить особое внимание на проблему населенности. При этом я скоро убедился, что здесь перед нами раскрывается широчайшее поле для экономических исследований, координированных с достижениями естествознания.

Я убедился также в том, что некоторые основные понятия, относящиеся сюда, недостаточно разработаны, а это, как и всегда, вносит много неясностей и неправильных толкований, препятствующих развитию научных знаний.

В своей работе: «Что такое перенаселение» я задаюсь целью пролить необходимый свет на одно из таких основных понятий. В переживаемое нами время целый ряд тревожных симптомов должен приковать к нему внимание исследователей хозяйственной действительности.

Лев Лубны-Герцык.

23/IV 1923 г.

ВВЕДЕНИЕ.

В последнее время слово „перенаселение“ все чаще появляется в научной литературе, все чаще произносится в научных заседаниях и на общественных собраниях. У нас в России теперь много говорят об аграрном перенаселении, о перенаселении центра. Это обязывает внимательно отнестись к явлениям, охватываемым этим понятием, тем более, что слово „перенаселение“ — страшное слово. Ведь оно означает такое состояние общества, когда людей слишком много, когда есть лишние люди. Но ведь откуда лишь один шаг до утверждения, что для блага общества следует устранить лишних людей. Если общество в целом через представителей власти отказывается подойти к разрешению этой страшной проблемы и, находясь в состоянии перенаселения, предоставляет простор стихийным процессам, то чего же в таком случае следует ожидать? Не является ли в таком случае неизбежной всеобщая ожесточенная борьба за существование, которая толкает людей на убийство прямое и косвенное, вольное и невольное, сознательное и бессознательное с неизбежностью природного закона? Не должно ли в таком случае наступить состояние всеобщей конкуренции всеми как дозволенными, так и недозволенными способами? Борьба не на жизнь, а на смерть!

В состоянии перенаселения становятся естественными и неустраиваемыми все те явления жизни общества, которые отталкивают нас своими антисоциальными, противными нашему человеческому сознанию, качествами.

Конкуренция народов! война! война — организованное убийство силой государственного принуждения! война — это наиболее яркое явление на протяжении всей истории человечества! не есть ли она неизбежность и даже целительное средство в состоянии перенаселения?

Не делает ли перенаселение неустраиваемыми также все формы так называемой мирной борьбы за существование внутри государственных объединений? Какими только средствами не пользуются в этой мирной борьбе, чтобы обеспечить себе успех и устранение соперников! Обман, подлог, подделка, взятка, эксплуатация и прочие прелести „свободной конкуренции“ — не являются

ли они общераспространенными средствами мирной борьбы за существование? И кто же при этом оказывается более приспособленным, более способным к переживанию? Действительно ли эти более приспособленные более совершенны? И если да, то почему, на каком основании? Имеет ли в состоянии перенаселения какой-либо смысл борьба с эпидемиями и голодовками, когда они могут рассматриваться как неизбежный результат его и даже один из способов его устранения?

Но может быть настоящего, неустраняемого мерами достойными человека, перенаселения в человеческом обществе не существует? Быть может все эти вопросы поэтому — праздные и лишние вопросы?

Ни праздными, ни лишними их назвать нельзя, так как состояние перенаселения является таким страшным, нечеловеческим состоянием общества, что если бы даже, по исключению среди всего живого, человечество никогда не испытывало до сих пор такого состояния, то нас не могла бы не тревожить самая возможность его...

Между тем все достояние современной биологической науки наводит нас на самые серьезные размышления о возможности состояния перенаселения. Ведь человек — живое существо. Неужели для него не имеют места основные биологические законы?

Из биологии мы знаем, что все живое стремится размножаться и что естественные границы этому размножению ставят лишь запасы средств существования, предоставляемые природой в распоряжение видов.

Из факта размножения приходится исходить и социальным наукам, которые также суть науки о живом и, следовательно, должны базироваться на данных биологии.

И действительно, нам известно, что существует целое направление в социологии, которое выдвигает на первое место среди факторов социальной жизни биологические процессы размножения и порождаемое ими стремление всего живого перерасти наличные средства существования, предоставляемые им природой. Направление это исходит из основных положений дарвинизма.

„Дарвинизм так властно проник в обществоведение и в частности в область социологии“, пишет М. Ковалевский, „что до эпохи зарождения технологической школы трудно указать сколь-нибудь выдающегося писателя, который бы в своих рассуждениях о поступательном ходе развития общества счел возможным не говорить о борьбе за существование или, по меньшей мере, о борьбе интересов, о приспособлении, отвечающем в биологии половому подбору и переживанию наиболее приспособленных“¹⁾.

¹⁾ См. М. М. Ковалевский: «Очерк истории развития социологии в конце XIX и начале XX века» в «Истории нашего времени», вып. XXVII, стр. 15.

Между тем известно, что Дарвин основывал свое учение о борьбе за существование и естественном подборе на факторе размножения. Он сам признает, что, прочитав случайно книгу Мальтуса, был наведен на основные идеи своего учения. То, что для Мальтуса было естественным законом человеческого общества, преобразилось в учении Дарвина во всемирный биологический закон. „Жизненное состязание между всеми органическими существами, рассеянными на земном шаре“, говорит Дарвин, „исходит роковым образом от размножения их в геометрической прогрессии. Закон Мальтуса приложим и к животному и к растительному царству“¹⁾.

В социологической литературе из дарвинизма исходят Петурно, Гастон Ришар, Фулье, Ланессан, Кадд, а у нас М. Ковалевский, и в последнее время Т. Фаддеев²⁾.

Направление это является быть может наиболее материалистическим в социологии. В самом деле, поскольку мы признаем, что в основе жизни лежат чисто биологические потребности питания и размножения, мы выдвигаем поистине материальную основу жизненных процессов, происходящих в доступном нашему наблюдению мире. „Влечение к пище составляет основу поддержания индивидуума; половое влечение — основу сохранения вида, постольку продолжение рода производится раздельными в половом отношении особями“³⁾.

Половой инстинкт чреват глубочайшими последствиями. Результатом полового общения является не только продолжение рода, но нечто гораздо большее, а именно — размножение. Таков закон природы.

Если бы природа устроила иначе, если бы мы имели перед собой лишь продолжение видов, то картина видимого мира оказалась бы совершенно отличной от раскрывающейся перед нами. Она оказалась бы свободной от того глубокого трагизма, которым преисполнена, благодаря фактору размножения. Ибо размножение создает тенденцию к перенаселению со всеми роковыми его последствиями.

¹⁾ Ч. Дарвин: «Происхождение видов» 13-я стр. французского перевода. Цитирую по Франческо Витти «Народонаселение и общественный строй», русский перевод 1898 г., стр. 93. См. также русский перевод «Происхождение видов» под ред. проф. К. Тимирязева. Петербург, 1896 г., стр. 10.

²⁾ См. Петурно: «Социология по данным этнографии» 1896, стр. 34. Gaston Richard: «L'idee d'evolution dans la nature et l'histoire», Paris 1903, стр. 67 и сл.; J. L. Lanessan: «La lutte pour l'existence et l'evolution des sociétés» Paris, 1903, стр. 13 и сл.; идею эту он проводит через всю свою книгу; Benjamin Kidd: «Social evolution», London, 1894, стр. 31 и сл.; Alfr. Fouillés: «Les éléments sociologiques de la morale», 1905 (указание М. Ковалевского I. с.); М. М. Ковалевский: «Развитие народного хозяйства в Западной Европе», Петербург, 1899, стр. 2—9; Д-р Тихон Фаддеев: «Социология», Москва, 1917 г., ч. I — основная идея книги.

³⁾ Prof. A. Forel: «Die sexuelle Frage», 1906, стр. 71.

Размножение живых существ представляет процесс бесконечно разнообразный, как и все в природе. Однако известно, что существует известная обратная зависимость между высотой организации животных и растений и их плодовитостью. Чем проще их организация, чем ниже стоят они в биологическом отношении, тем более значительна их способность к размножению.

Примеры быстроты размножения известны в достаточной степени.

Особенно велика способность к размножению у растений. Д-р Эдуард Клейн утверждает, что 246 бактерий в 1 куб. сантиметре питательной жидкости в течение 24 часов размножаются до 20.000.000; это дает к концу третьего дня для каждой особи потомство в 537 миллиардов слишком. Каждое растение мака дает 30.000 семян. Каждое растение кукушкиных слезок, по расчету Дарвина, дает ежегодно около 186.300 семян¹⁾.

Поражают также свидетельства о необычайной плодовитости некоторых более просто организованных животных. Гексли вычислил, что потомство одного полужесткокрылого, размножающегося без оплодотворения, если бы оно не подвергалось противодействующим влияниям, достигло бы по прошествии нескольких месяцев такого веса, который превысил бы вес населения Китая²⁾. Общеизвестна необычайная плодовитость рыб, почти не заботящихся о своем потомстве; треска откладывает 6 миллионов яиц, осетр 3—7 миллионов³⁾. Число примеров можно было бы увеличить почти неограниченно.

Не трудно себе представить, с какой быстротой каждый из таких видов заполнил бы всю землю, если бы не встречал препятствий своему размножению.

Любопытный расчет приводит Т. Д. Фаддеев, используя пример проф. К. А. Тимирязева: „Допустим“—пишет он,—„что одуванчик дает только 100 семян в год. Через год вместо одного одуванчика будет 100; через два года их будет уже 10.000, через три года 1.000.000, через четыре—100.000.000... через десять лет оказалось бы 100.000.000.000.000.000.000 одуванчиков. Чтобы разместить все это количество одуванчиков, нужно было бы увеличить поверхность земли в 15 раз. Ясное дело, что из потомства, родившегося через 10 лет, могла бы оставаться жить лишь $\frac{1}{15}$ часть, а для $\frac{14}{15}$ места в жизни не было бы. В следующий год, это ясно само по себе, количество одуванчиков на земле не могло бы более увеличиваться просто потому, что им

¹⁾ С. Spencer: «Principles of biology», 1899. Цитирую по К. Каутскому: «Размножение и развитие в природе и обществе», перевод Д. В. Рязанова. Петербург, 1921 г., стр. 30.

²⁾ См. Франч. Китти: «Народонаселение и общественный строй», перевод Коробчевского. Петербург, 1898, стр. 58.

³⁾ К. Каутский, I. с. стр. 33.

негде было бы жить. А так как каждый одуванчик продолжал бы родить по 100 семян, то ясно, что из всех родившихся только 0,01 потомков могла остаться в живых; остальным места не было бы. Таким образом 0,99 всех семян ежегодно производились бы лишь для того, чтобы погибнуть¹⁾.

Мы видим, что здесь причиной гибели 99% всех зародышей, имеющих способность жить, является даже не недостаток пищи, но просто ограниченность территории, которая может вместить лишь ничтожное количество из нарождающихся растений. Арифметическая прогрессия роста средств существования,—из которой исходит Мальтус, здесь не имеет значения. Для осознания невозможности дальнейшего размножения здесь достаточно понять логическую неизбежность последствий геометрической прогрессии размножения. Ограниченность природных ресурсов обнаруживается при этом особенно наглядно в ограниченности пространства.

Из биологии мы знаем, что способность к размножению у различных видов животных и растений—различна. Меньшая плодовитость более высоко организованных представителей животного царства вызвала ряд гипотез о причинах этого явления, из которых наибольшим признанием пользуется знаменитая теория Г. Спенсера о противоположности процессов индивидуации и размножения²⁾. Однако, было бы совершенно неправильно заключать отсюда, что геометрическая прогрессия размножения приводит для менее плодовитых видов к результатам существенно отличным от эффекта, охарактеризованного мною выше.

Факт этот, чрезвычайной важности, выразительно отметил еще Дарвин. Припомним его пример размножения слонов: Слона считают животным, размножающимся медленнее всех; Дарвин попытался определить минимум его естественного размножения. „Мы останемся позади истины, если примем, что он плодится от тридцатилетнего до девяностолетнего возраста и в этот промежуток времени производит три пары детенышей. Но, если так, то через 500 лет потомство одной пары слонов состояло бы из пятнадцати миллионов особей“. Далее Дарвин приводит свидетельства более осязательные, чем эти теоретические соображения, а именно многочисленные достоверные случаи удивительно быстрого размножения разных диких животных при благоприятных для них условиях³⁾.

Таким образом, быстрота размножения не имеет существенного значения. Всяду, где происходит беспрепятственное размно-

¹⁾ Д-р Тихон Фаддеев: «Социология», Москва, 1917 г., ч. I, стр. 12.

²⁾ См. Herb. Spencer: «Principes de Biologie», французский перевод. Paris, 1880. Tome II, p. 471.

³⁾ Ч. Дарвин: «О происхождении видов», перевод С. А. Рачинского. Петербург, 1864 г., стр. 52—54.

жение, несколько раньше или несколько позже должен наступить один и тот же результат: территория должна оказаться не в состоянии вместить вновь нарождающихся поколений. Перенаселение должно наступить с неизбежностью логического закона. Избыточные особи должны погибнуть; им нет, буквально „нет места“ на земле.

Если не будут действовать какие-либо разрушающие препятствия, если одни виды животных не будут охотиться и пожирать другие виды, если стихийные бедствия, болезни и недостаток пищи не будут уносить неисчислимых жертв, роковой предел размножения все равно будет рано или поздно достигнут. Дальнейшее размножение вида станет невозможно просто за отсутствием необходимого для него пространства.

I. О геометрической прогрессии размножения человека.

Человек—живое существо, животный вид; „Homo sapiens“. Он также способен размножаться. Неужели для него геометрическая прогрессия размножения не имеет места? Неужели он, живое существо, порождение и часть природы, составляет исключение?

Утверждение Мальтуса, что при благоприятных условиях население способно удваиваться в 25 лет, подвергалось жестокой критике. Допустим, что человек лишен способности столь быстрого размножения. Но ведь не лишен же он возможности размножаться в какой бы то ни было степени? А если так, то и для его размножения рано или поздно должен наступить предел.

Один из самых талантливых критиков Мальтуса, наш знаменитый соотечественник, Н. Г. Чернышевский, вводит нас сразу *in mediam res*, начиная свою критику с анализа пресловутой геометрической прогрессии роста населения. В своих рассуждениях он исходит из естественной плодовитости женщины. Он принимает, что для женщины кавказского племени в Европе и Северной Америке период деторождения простирается приблизительно от 15 до 45 лет, что число женщин этого возраста в населении, возрастающем не очень быстро, составляет приблизительно одну пятую его часть, далее, что самое устройство женского организма полагает между рожденьями детей в среднем промежуток около двух лет. Элементарный подсчет приводит его при этом к заключению, что, при отсутствии воздержания и неограниченном размножении, такая плодовитость составит по 15 детей на одну женщину и по 8 рождений ежегодно на 100 человек населения.

Однако, такую рождаемость Чернышевский признает невероятной; он вводит в свои рассуждения ряд поправок и останавливается на заключении, что можно исходить из шести в среднем детей на каждую женщину при условии полного отсутствия воздержания и высоком уровне благосостояния; это составляет 4 рождения на 100 человек населения ежегодно. Далее, исходя из наименьшей смертности детей до 5-летнего возраста в 20%

родившихся, наблюдавшейся в семьях английских землевладельцев, и наименьшей смертности в возрасте старше 5 лет, равной 1,47‰ и ни в коем случае не меньше 1,27‰ населения, Чернышевский приходит к следующему расчету возможного прироста населения¹⁾.

Процент рождений.	% умир. до 5 лет (20 на 100 рождающ.).	% умир. старше 5 лет.	Перевес рождений над смертн. случ. в ‰‰ населения.		Число лет в периоде удвоения числен. насел. при соотн. ‰‰ прироста.	
			Наибольший.	Вероятнейший.	Наибольший.	Вероятнейший.
5,0	1,00		2,75	2,52	25,48	27,77
4,5	0,90	От 1,24	2,35	2,12	29,75	32,93
4,0	0,80	до 1,47	1,95	1,72	35,75	40,47
3,5	0,70		1,55	1,32	44,55	52,56

Аналогичный расчет приводит Л. Brentano. Опираясь на Рюмелина и Рошера, он принимает, что женщина способна родить в течение 22 лет своей жизни. Это соответствует при возрастном составе населения средне-европейских стран 165 женщинам в возрасте деторождения на 1000 жителей. Отсюда согласно статистическим данным следует скинуть 15 женщин бесплодных. На 1000 жителей, следовательно, приходится лишь 150 женщин, способных к деторождению.

Если каждая женщина будет рожать за всю свою жизнь лишь по одному ребенку, то на 1000 жителей придется в год $\frac{150 \times 1}{22} = 6,8$ рождений.

При 2 рождениях на одну женщину 13,6 рождений на 1000 жит.

3	"	"	"	"	20,45	"	"	"	"
4	"	"	"	"	27,27	"	"	"	"
5	"	"	"	"	34,09	"	"	"	"
6	"	"	"	"	40,9	"	"	"	"

Для исчисления естественного прироста населения Brentano останавливается на смертности, равной 14 на 1000 жителей,

¹⁾ См. примечания Н. Г. Чернышевского к его переводу «Оснований политической экономии» Д. С. Милля; Петербург, 1909 г., стр. 263—276.

которая на 0,8 меньше величины смертности, минимальной в Европе в период 1900—1905 г.г. и достигнутой в Дании. Этот идеал автор признает в пределах возможности. Далее он принимает повышенную смертность при возрастании плодовитости, так как в этом случае жизнь детей будет менее обеспечена. Поэтому на смертности, равной 14 на 1000 жителей, он останавливается лишь в случае 2-х детей на одну женщину. Затем на каждое рождение накидывает по 1,5 случая смерти на 1000.

Вычисления приводят его при этом к следующей таблице рождаемости¹⁾.

Число рождений на 1 женщину.	На 1000 жителей приходится.			Соответствующий период удвоения населения в годах.
	Рожденных.	Умерших.	Естественного прироста.	
1	6,8	15,5	— 8,7	— 442,2
2	13,6	14,0	— 0,4	— 17647,0
3	20,45	15,5	+ 4,95	140,38
4	27,27	17,0	+ 10,27	67,84
5	34,09	18,5	+ 15,59	44,80
6	40,9	20,0	+ 20,9	33,51
7	47,7	21,5	+ 26,2	26,80
8	54,5	23,0	+ 31,5	22,35
9	61,36	24,5	+ 36,86	19,15
10	68,1	26,0	+ 42,1	16,85
11	75	27,5	+ 47,5	14,94
12	81,8	29,0	+ 52,8	13,52
22	150	44,0	+ 106	6,88

Сравним теперь с приведенными результатами вычислений двух авторитетных представителей экономической науки фактическое движение народонаселения в странах, заселенных европейцами²⁾:

¹⁾ Lujo Brentano: «Die Malthussche Lehre und die Bevölkerungsbewegung der letzten Dezennien». Abh. der Historischen Klasse der K. Bayerischen Akademie der Wissenschaften, XXIV Bd. München 1909, III Abt. s. 577, 578.

²⁾ L. Brentano, l. c. s. 583.

СТРАНЫ.	Среднее за 1871—75 г.г.		Среднее за 1901—05 г.г.		Средн. для периода, указ. в 8 графе.		
	Перев. ро- ждений над смертн. сл.	Период удвоения населения.	Перев. ро- ждений над смертн. сл.	Период удвоения населения.	Перев. ро- ждений над смертн. сл.	Период удвоения населения.	Г о д ы.
1	2	3	4	5	6	7	8
Новая Зеландия	271	25,9	167	41,9	230	30,5	1861— 1905
Урагвай	—	—	—	—	214	32,7	1882— 1903
Ю. Австралия	214	32,7	137	50,9	214	32,7	1861— 1905
Квинсленд	229	30,6	153	45,6	208	33,7	1860— 1905
Аргентина	—	—	179	39,1	183	38,2	1895— 1906
Болгария	—	—	182	38,4	170	41,1	1881— 1905
Европ. Россия	143	48,8	—	—	151	46,2	1871— 1900
Сербия	94	74,1	163	42,3	142	49,1	1861— 1905
Норвегия	127	54,9	141	49,5	140	49,8	1841— 1905
Англия и Уэльс	135	51,7	121	57,6	123	56,7	1841— 1905
Дания	113	61,7	142	49,1	120	58,1	1841— 1905
Швеция	124	56,2	106	65,8	112	62,2	1841— 1905
Германия	107	65,1	149	46,9	112	62,2	1841— 1902
Нидерланды	106	65,8	155	45,6	111	62,8	1841— 1902
Финляндия	153	45,6	—	—	107	65,1	1841— 1905
Венгрия	—	—	110	63,3	105	66,4	1876— 1900
Бельгия	92	75,8	107	65,1	97	70,3	1841— 1900

СТРАНЫ.	Среднее за 1871—75 г.г.		Среднее за 1901—05 г.г.		Средн. для периода, указан. в 8 графе.		
	Перев. ро- ждений над смертн. сл.	Период удвоения населения.	Перев. ро- ждений над смертн. сл.	Период удвоения населения.	Перев. ро- ждений над смертн. сл.	Период удвоения населения.	Г о д ы.
1	2	3	4	5	6	7	8
Румыния	29	239,8	138	53,9	96	72,5	1886— 1905
Италия	64	108,6	106	65,8	92	75,8	1866— 1905
Швейцария	65	107,1	104	67,4	83	83,8	1871— 1905
Австрия	67	103,8	113	61,7	79	88,0	1841— 1905
Греция	77	90,4	—	—	69	100,8	1864— 1883
Ирландия	96	72,5	56	124,3	66	105,8	1866— 1905
Испания	—	—	92	75,8	64	108,6	1861— 1870 и 1881— 1905
Чили	—	—	55	126,4	54	128,7	1880— 1905
Шт. Мэн	—	—	—	—	46	151,0	1892— 1904
Шт. Вермонт	64	108,6	—	—	46	151,0	1871— 1900
Франция	5	1368,3	18	367,1	22	316,9	1841— 1905
Мексика	—	—	—	—	2	346,4	1895— 1901

Таблица показывает, что естественный прирост, а вместе с тем и результирующий из него период удвоения населения—весьма различны в разных странах.

В настоящее время может считаться достаточно прочно установленным тщательными демографическими исследованиями, что

главным фактором в сокращении рождаемости является сознательное ограничение деторождения ¹⁾. Французская литература по этому вопросу чрезвычайно обильна. В настоящее время в ней нет разногласий о влиянии волевых импульсов на сокращение рождаемости. Изыскания направлены на исследование мотивов, вызывающих такое направление воли именно французской нации в отличие от других народов, у которых либо совсем не наблюдается падения рождаемости, либо оно выражено слабее, чем во Франции. Причины усматривают в падении религиозности, патриотизма, неправильном воспитании, эгоизме, стремлении к материальному благополучию и в особенности в развитии так называемой „социальной капиллярности“ ²⁾. Вообще можно признать, что в современных странах со слабым приростом населения имеет место именно сознательное регулирование численности семей. Наоборот, в странах с сильным приростом населения преобладают стихийные, не управляемые человеческой волей процессы.

Представим теперь себе население, обильно снабженное средствами существования при отсутствии сознательного регулирования рождений. В этом случае, становится более чем вероятным естественный его прирост, соответствующий удвоению его численности в 40 лет.

Если исходить из этой потенциальной возможности, соответствующей физической природе человека, то геометрическая прогрессия возрастания численности населения должна привести к следующему эффекту: Два человека через 600 лет дадут потомство в 65.536 человек, еще через 600 лет население будет иметь численность уже в 2.146.488.648 человек, а еще через 600 лет, т. е. через 1800 лет после начального момента—70.336.140.017.664 человека. Это составляет приблизительно 173.300 человек на 1 квадратный километр земной суши и около 4.700 человек на одну десятину. Здесь принята в учет вся земная суша с пустынями и полярными странами, следовательно с территориями, совершенно непригодными для заселения (148.671.500 кв. килом.).

Можно ли признать, что при такой плотности населения наступит состояние перенаселения?

¹⁾ См. L. Brentano, I. с. стр. 590 и сл.

²⁾ См. напр. Henry Clément: «La Dépopulation en France», 1910 г.— одну из наиболее поздних, написанных на эту тему книг, стр. 78 сл., также известный труд Arsène Dumont: «Dépopulation et civilisation», Paris, 1890 г. стр. 110, 113 и мн. др.; у нас И. М. Гольдштейн: «Проблемы населения во Франции», стр. 125 и др.

Под социальной капиллярностью Arsène Dumont понимает стремление к повышению своего материального благосостояния и социального положения, особенно сильно выраженное в народных массах, не стесненных рамками социальных и кастовых ограничений.

Между тем соответствующая населенность земли должна была иметь место при отсутствии препятствий к размножению людей уже через 1800 лет после появления на ней человека.

По данным палеонтологии человечество существует на земле около двух сот пятидесяти тысяч лет. Человек появился, повидимому, в начале четвертичного периода. По мнению Вирхова очень возможно, что человек жил уже в третичную эпоху, к которой палеонтология относит появление, распространение и исчезновение человекоподобных обезьян ¹⁾.

Г. и А. Мортилье относят появление на земле первичного человека ко времени, отстоящему от современного нам исторического момента, по крайней мере, на 230—240 тысяч лет ²⁾.

Итак, при отсутствии препятствий к размножению, человечество уже в незапамятные времена, на заре своего существования, должно было достигнуть плотности, превышающей современную во многие тысячи раз ³⁾.

Однако, этого не произошло и для всех должно быть ясно, почему этого не могло произойти. Вычисленная мною плотность населения в тысячи раз превышает ту, которую современное мировое хозяйство, при всех его технических возможностях, в состоянии снабдить необходимыми жизненными благами. Между тем нам известно, что человечество лишь очень медленно прогрессировало в умении добывать с предоставленной ему природой земной площади необходимые для него средства существования.

Десятками тысячелетий длились периоды первичного и первобытного хозяйственного строя, когда лишь собирание плодов и корней, а потом первобытная охота и рыболовство доставляли людям нужную им пищу. Лишь медленно, путем бесчисленных напряжений мысли и воли, путем бесконечного числа попыток происходили открытия и изобретения, совершенствовавшие технику и открывавшие возможность увеличить жизненные ресурсы человечества.

Плотность населения при первобытных формах хозяйства могла быть лишь очень незначительна. Возрастая по мере перехода к более прогрессивным системам хозяйства, она тем не менее никогда не в состоянии была достигнуть степени, хотя бы сколько-нибудь соизмеримой с вычисленной мною.

¹⁾ См. Ранке: «Человек», русский перевод, Петербург, 1900 г., 2-й том, стр. 566—568.

²⁾ Г. и А. Мортилье: «Доисторическая жизнь, происхождение и древность человека», русск. перевод, Петербург 1903 г., стр. 539.

³⁾ А. И. Воейков принимает общую численность населения земли в 1.582.000 человек (см. его «Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека», Петербург 1906 г., стр. 7); эта величина в 44.000 с лишком раз меньше вычисленной мною.

В этом отношении чрезвычайно поучительна известная таблица Фридриха Ратцеля, сопоставившего фактическую плотность населения при различных хозяйственных системах.

Данные Ратцеля отмечают следующую зависимость:

На 1000 квадратных километров земли может прокормиться:

У народов, занимающихся охотой и рыбной ловлей в бедных областях Севера	2—	5 чел.
У охотничьих народов степных областей—напр. у бушменов и австралийцев	2—	9 "
У охотничьих народов, занимающихся немного и земледел., напр. у индийцев и даяков	170—	700 "
У рыболовов в Северн. Амер. и Полинезии	700—	1770 "
У кочующих пастухов	1770	"
У земледельцев, занимающихся немного и ремеслами, во внутренней Африке и Юго-Восточной Азии	1700—	5300 "
У северных индогерманских земледельцев и скотоводов до Р. Хр.	5000—	12000 "
У полукочевников, занимающихся и земледелием под тропиками	8900	"
При европейском земледелии в молодых странах или в климатически неблагоприятной части Европы	8900	"
В средне- и южно-европейских странах с трехпольным хозяйством, начатками городской жизни и значительным лесовладением: в Греции от 400 до 300 г.г. до Р. Хр. или в Средней Европе от 1200 до 1500 г.	17700—	26600 "
В Средне-Европейских земледельческих обл. от 1600 до 1850 г.	26600—	35000 "
В чисто земледельческих обл. Южной Европы	70000	"
В современных лучших земледельческих обл. Индии, Явы и Китая	177000	" ¹⁾

Таблица эта говорит нам несравненно больше, чем многочисленные попытки исчисления фактического роста продукции необходимых средств существования за последнее столетие, принятые в экономической литературе с целью проверки известной арифметической прогрессии Мальтуса²⁾.

¹⁾ По К. Каутскому: «Размножение и развитие в природе и обществе». Русский перевод. Киев, 1910 г., стр. 79.

²⁾ См. напр. Prof. Karl Ballod: «Die Productivität der Landwirtschaft» Schriften des Vereins für Socialpolitik 132 Bd. s. 427 ff. Также Franz Oppenheimer: «Das Bevölkerungsgesetz des T. R. Malthus und der neueren Nationalökonomie». Berlin 1901. s. 41 ff. У нас Т. Ф. Нефедов: «Закон народонаселения и Россия» ч. I. Моршанск 1910 г., стр. 117 и сл. и указанная им литература.

В самом деле, допустим, что на всем пространстве земной суши когда-либо будет достигнута степень производительности в производстве пищевых продуктов, характеризующая в настоящее время Китай, Индию и Японию с их интенсивной огородной культурой и высоким напряжением труда.

Допущение это идет в разрез с действительностью, так как мы знаем, что перечисленные страны находятся в благоприятных климатических и почвенных условиях, с которыми не выдерживает никакого сравнения большая часть земной поверхности.

Отвлечемся, однако, на момент от разнообразия природных условий и будем исходить в нашем рассуждении из достижений интенсивной культуры восточных стран. Из таблицы Ратцеля мы видим, что страны эти в состоянии ныне прокормить население в 177.000 человек на 1000 квадратных километров. Это превышает в 88.500 раз наименьшую из приведенных Ратцелем плотностей населения, соответствующую наименее продуктивной системе хозяйства.

Между тем, согласно нашему расчету, население земного шара уже через 1800 лет после появления на нем человека должно было в 35 с лишним триллионов раз превысить первичную пару.

Перед нами величины совершенно несоизмеримые. При отсутствии препятствий к размножению, возрастание населения земного шара уже в конце второго тысячелетия его существования должно было в 3.954.800 с лишним раз превысить рост средств существования до уровня, о котором мы, живущие в эпоху колоссальных технических достижений, едва-ли можем мечтать.

Ясно, что перед нами одно из тех сопоставлений, которые способны стать решающим аргументом.

Грандиозность значения роста населения в истории человечества вне всякого сомнения. Можно сомневаться в действительности и значении любого из факторов духовной культуры. Можно спорить о степени влияния на ход исторического развития религиозных движений, прогресса знания, вождей и героев. Но неизмеримость влияния отмеченного нами биологического фактора размножения не подлежит сомнению. Из него мы можем исходить во всех наших социологических изысканиях, как из наиболее прочного, непоколебимого постулата, способного вынести на себе всю тяжесть социологической системы.

Нет никакого сомнения в том, что лишь действие разрушительных и предупреждающих препятствий размножению людей приводило в истории человечества в соответствие численность населения с запасами средств существования.

Либо то—либо другое.

На это нельзя не обратить самого серьезного внимания тем, кто стремится к созданию строя, где убийство среди людей, убий-

ство вольное и невольное, открытое и тайное, прямое и косвенное, сознательное и бессознательное, индивидуальное, групповое, классовое и, наконец, национальное—перестанут быть логической необходимостью, а борьба с голодом и болезнями не будет больше в противоречии с социальными возможностями.

Проблема населенности должна приковать к себе внимание именно тех, кто стремится к осуществлению идеалов социализма.

Индивидуалистический строй капитализма основан принципиально на идее всеобщей борьбы за существование. Он принимал и продолжает принимать борьбу человека против человека, жестокую конкурентную борьбу, как необходимое и неизбежное условие прогресса.

Здесь по существу неустраимы роковые противоречия между нашими духовными стремлениями и императивами жестокой действительности. Мораль остается чем-то неопределенным, неустойчивым, полным глубочайших несообразностей. Вопрос о чрезмерной населенности для такого общества вообще не существует. В нем остаются в живых те, которые оказались более приспособленными, и живут они, поскольку сохраняют это качество.

Мало того, известно, что эксплуатирующему классу бывает выгодно перенаселение среди эксплуатируемых слоев населения, ибо это облегчает эксплуатацию. На это не раз указывалось в литературе.

Еще К. Маркс отметил, что относительное перенаселение среди рабочего класса в интересах капиталистов: оно создает резервную рабочую армию, оказывающую понижающее давление на заработную плату¹⁾.

Лориа отмечает, что после уничтожения рабства, капитал был вынужден, вследствие грозившей ему опасности, вызывать всеми возможными мерами систематическое увеличение народонаселения²⁾. Ferdinand Goldstein в своей работе о перенаселении Германии цитирует слова защитника интересов немецких капиталистов, Вальтера Ратенау, открыто заявившего, что колонии не должны иметь свою целью принимать избыточное рабочее население материнской страны, так как „наше туземное рабочее население—клад, который должен терпеть ущерб лишь во время тяжелых хозяйственных кризисов“³⁾.

¹⁾ См. К. Маркс «Капитал», т. I. Перевод под ред. П. Струве, 1906 г., стр. 459; «Относительное перенаселение составляет... тот фон, на котором движется закон спроса и предложения труда. Оно втискивает поле действия этого закона в пределы, абсолютно отвечающие стремлению капитала к эксплуатации и властолюбию».

²⁾ См. Франц. Нитти: «Народонаселение и общественный строй» стр. 230.

³⁾ D-r Ferdinand Goldstein «Die Übervölkerung Deutschlands und ihre Bekämpfung». München, 1909, s. 7.

В русской литературе мы находим указания, что наличность избыточного населения в нашей деревне была выгодна помещикам, которые вследствие этого стремились всячески тормозить переселение¹⁾.

Естественному стремлению русского крестьянства к расселению противостояли интересы помещичьего класса, который был заинтересован в наличности аграрного перенаселения, обеспечивающего ему дешевые рабочие руки и выгодные условия сдачи земли в аренду.

Неудивительно поэтому, что в строе частно-хозяйственных отношений, где интересы отдельных групп населения определяют направление социальной и экономической политики, проблема населенности может принимать вообще своеобразный характер и разрешаться далеко не в пользу широких слоев населения.

Однако для общества, основанного на противоположных принципах, где интересы всего народного хозяйства и населения в целом определяют и уклон общественной идеологии и политику государства, вопрос о перенаселении получает совсем иное освещение и не может не обратить на себя самого серьезного внимания.

¹⁾ Как известно, «дейтельное сочувствие и содействие делу расселения крестьян, которое характеризовало переселенческую политику первой половины XIX столетия, со времени освобождения крестьян, окончательно сменяется тем пассивным и по существу даже отрицательным отношением к вопросу о крестьянских переселениях, которое красной нитью проходит через всю историю переселенческой политики в последующее за освобождением крестьян тридцатилетие». В чьих же интересах проводилась эта политика, всячески затруднявшая переселение? Ссылаясь на свидетельство Ф. Г. Тернера и ряд новейших официальных изданий, А. А. Кауфман признает основной причиной ее невыгодность расселения крестьян для господствовавшего в то время класса помещиков. «Крестьянская реформа—пишет Тернер—вызвала резкий перелом в прежнем помещичьем хозяйстве; предстояла необходимость изменить все хозяйственные привычки и порядки при замене даровой работы наемным трудом. А между тем можно было опасаться, что при значительном развитии переселения трудность добывать рабочих еще усилится, а вместе с тем землевладелец потеряет и с'емщиков на предлагаемую в аренду землю и таким образом лишится единственной оставшейся в его руках верной статьи дохода». См. А. А. Кауфман. «Переселение и колонизация». Петербург, 1905 г., стр. 19. См. также И. Ямзин: «Переселенческое движение в России». Киев, 1912 г., стр. 19.

II. Перенаселение в толковании современных писателей.

Итак, что же следует считать перенаселением? Как это ни странно, но приходится признать, что в экономической литературе содержание этого понятия неустойчиво и неопределенно и быть может именно здесь следует искать объяснения жестокой разногласицы по вопросам населенности.

Казалось бы, что при наличии тенденции населения возрастать неизмеримо быстрее средств существования, перенаселение должно было наступить уже в незапамятные времена. И однако в науке до сих пор продолжают споры о том, существует ли и существовало ли когда-либо и где-либо перенаселение и не угрожает ли оно человечеству в ближайшем или более отдаленном будущем.

Это тем более удивительно, что в сущности против основного положения Мальтуса не спорит никто из его критиков. Как известно, Мальтус утверждает, что, при отсутствии сознательного ограничения рождаемости, население должно размножаться несравненно быстрее увеличения средств существования. Возникающее несоответствие вызывает действие сил, уничтожающих избыток населения. Положение это в экономической литературе либо признают, либо обходят молчанием:

Возражения антимальтузианцев несомненно вызываются индивидуалистическими выводами Мальтуса, которые не могут не смущать искренних друзей человечества. Мальтус приходит к оправданию социального неравенства, защите собственности и свободной конкуренции.

Однако, при современном состоянии научных знаний и широчайшем распространении превентивной практики, приводящей к сознательному регулированию рождений, мрачные заключения знаменитого автора „опыта о законе народонаселения“ теряют под собой всякую почву и мы можем спокойно обсуждать вопрос о той численности населения, которая соответствует интересам общества.

Любопытно, что как сторонников, так и противников учения Мальтуса мы находим среди писателей диаметрально противополо-

жных направлений. Как среди так называемых „буржуазных“ экономистов, защитников строя свободной конкуренции, так и среди социалистов нет единства мнений по вопросам населенности.

Я не задаюсь здесь целью приводить сводку мнений за и против учения Мальтуса. Это завело бы нас слишком далеко и уклонило бы слишком в сторону от основной темы моего исследования. Интересующихся отсылаю к имеющимся в научной литературе библиографическим обзорам ¹⁾.

Известно, что целый ряд социалистических писателей открыто признает правильность исходного положения Мальтуса. Роберт Оуэн и его ученик Томсон—в Англии; Луи Блан—во Франции; Фридрих Альберт Ланге и Карл Марло—в Германии; Карл Каутский—в Австрии должны быть отнесены к этой группе ²⁾. С выводами Мальтуса они, конечно, не мирятся, но находят возможным обойти их, либо открыто, рекомендуя практику неомальтузианства (Томсон, Каутский в своей первой работе о народонаселении), либо утверждая, что в социалистическом строе общества будут господствовать условия, которые ограничат рождаемость и устранят таким образом опасность перенаселения.

Карл Маркс в различных частях „Капитала“ касается вопроса о народонаселении и, как известно, приходит к заключению о существовании в капиталистическом обществе постоянного перенаселения в рабочем классе и порождаемой им нищеты, но приписывает перенаселение современному способу производства. Скучное питание, по его мнению, ведет к возрастанию плодовитости. Преобразование общества изгонит со света нищету, происходящую от сильного роста населения ³⁾.

Как видим, и Маркс рассчитывает на меньшую плодовитость социалистического общества и вряд ли можно упрекнуть Каутского в неправильном понимании руководящих идей марксизма, поскольку он предвидит сознательное ограничение рождаемости при социализме.

Что касается до несоциалистических писателей, то в настоящее время среди них так много выдающихся авторитетов со-

¹⁾ См. напр., обстоятельный обзор литературы вопроса у L. Elster'a «Bevölkerungslehre und Bevölkerungspolitik» в Handwörterb. d. Staatswiss. 3 Aufl. II Bd. s. 926—1002. Есть русский перевод: «Народонаселение и учение о народонаселении» под редакцией С. Н. Булгакова, изд. Водовозовой.

Также Франческо Нитти: «Народонаселение и общественный строй», перев. под редакцией Д. Коробчевского, Петроград, 1898, стр. 62—66, 78, 82, и сл. (в пользу Мальтусовых идей) и 62, 83 сл., 107 сл., 117 (против Мальтуса).

Далее D-r Stille «Die Bevölkerungsfrage in alter und neuer Zeit» Leipzig (90-е года; год не указан).

См. наконец библиографию, приложенную к книге A. Fircks'a: «Bevölkerungslehre und Bevölkerungspolitik». Leipzig, 1898, s. 486 ff.

²⁾ См. упомянутую статью L. Elster'a, стр. 969 и сл.

³⁾ Ibid. стр. 967.

гласны с основными положениями Мальтуса, что это дает возможность некоторым усматривать равнодействующую научной мысли в направлении, указанном знаменитым автором „Опыта о законе народонаселения“¹⁾.

При таком отношении современной экономической мысли к учению Мальтуса трудно объяснить, почему до сих пор не выработалось устойчивого и общепринятого толкования понятия перенаселения.

Что это действительно так, я берусь показать в дальнейшем.

Прежде всего следует заметить, что сам Мальтус вообще не употребляет слова „перенаселение“. Он говорит о законе, который „состоит в постоянном стремлении, свойственном живым существам, размножаться быстрее, чем это допускается находящимся в их распоряжении количеством пищи“²⁾. Результатом этой тенденции населения перерастать наличные средства существования является то, что выражено в следующих положениях автора знаменитого „опыта“:

1. Размножение населения ограничивается неизбежно средствами существования.

2. Население возрастает вместе со средствами существования за исключением случаев, когда действуют некоторые особенные препятствия, легко открываемые.

3. Препятствия эти, как и все другие, удерживающие население ниже уровня средств существования, суть нравственное обуздание, порок и нищета³⁾.

Тезисы эти определенно выражают, что Мальтус имеет в виду случаи, когда численность населения соответствует наличным средствам существования. Население вечно стремится размножаться до предела, предопределяемого этими средствами. Оно не в состоянии перешагнуть этого предела... Однако, можно ли называть перенаселением такое состояние общества, когда численность его как раз соответствует запасу жизненных благ? Это до такой степени невырешено и неясно, что один из современных защитников идей Мальтуса, Будге, берется даже показать, что Мальтус имел в виду не какие-либо предельные отношения, а просто отношения абсолютного количества пищи к установившемуся *standard of life* главной массы того или иного населения. Из ряда мест будто бы видно, „что по мнению Мальтуса *standard of life* оказывает на человеческую душу действие, в силу которого человек, основывая семью и производя потомство, со-

¹⁾ См. напр. «Новые идеи в экономике» под ред. М. И. Туган-Барановского; сборн. 2 «Теория народонаселения и мальтузианство», стр. 143 (перев. статьи проф. Ю. Вольфа).

²⁾ Мальтус «Опыт о законе народонаселения». Русск. перевод П. А. Бибикова, 1895 г., т. I, стр. 96.

³⁾ Мальтус. I. с. т. I, стр. 472.

блюдает „разумную предусмотрительность“¹⁾. Это несомненное преувеличение. Однако следует признать, что неясностей и двусмысленностей в положениях Мальтуса очень много.

Что говорят нам приведенные выше положения Мальтуса? „Размножение населения неизбежно ограничивается средствами существования“... Спрашивается, какими средствами существования? Средствами существования состоятельного человека являются комфортабельное жилище, обильный и изысканный стол, прекрасная одежда и выезд. Его *standard of life* очень высок. Если же Мальтус имеет в виду скудные условия существования эксплуатируемых классов, то и здесь мыслимы самые различные уровни снабжения, начиная от голодающего индуса и кончая сытно питающимся и пользующимся элементарным комфортом английским и американским рабочим.

Должны ли мы, опираясь на Мальтуса, признать перенаселенной Англию, потребляющую чуть ли не на три четверти привозное продовольствие, если уровень жизни большинства ее населения в наше время значительно выше, чем во многих других странах? Какова должна быть наша оценка населенности иных стран промышленного типа?

Можем ли мы, наконец, исходя из учения Мальтуса, признать вообще возможным перенаселение?

В самом деле, территория в любой момент истории может вместить столько населения, сколько в состоянии просуществовать на ней. Избыточного населения быть не может! Это — *pop-sens*, так как в момент своего образования оно должно исчезнуть, не будучи в состоянии существовать...

И тем не менее нельзя не признать, что введенное в употребление впервые, повидимому, в немецкой экономической литературе, слово „перенаселение“ (*Übervölkerung*) получило в наше время полные права гражданства. Им пестрят современные экономические трактаты. Специальная литература, посвященная проблеме перенаселения и озаглавленная этим термином, все больше и больше разрастается...

Так что же в конце концов следует признать перенаселением?

Прежде чем перейти к изложению собственных соображений о содержании этого понятия, я считаю необходимым показать, как понимают перенаселение авторы современных нам исследований об этом предмете. Лишь посчитавшись с установившимися точками зрения, мы в состоянии будем придти к выводам, приемлимым для научного сознания. В дальнейшем обзоре я коснусь

¹⁾ См. перевод указанного отрывка из книги Ю. Вольфа в «Новых идеях в экономике» сборн. 2-й, стр. 145; цитирует книгу Budget: «Das Maltusische Bevölkerungsgesetz und die theoretische Nationalökonomie der letzten Jahrzehnte», 1912, s. 87.

лишь тех из известных мне писателей, которые пытаются определить понятие перенаселенности. В экономической литературе сплошь да рядом пользуются этим термином, не делая ни малейшей попытки влить в него какое-либо определенное содержание и признавая таким образом достаточно ясным то, что, как мы увидим далее, ни в коем случае нельзя считать сколько-нибудь твердо установленным.

Arthur v. Fircks, автор капитальнейшего, охватывающего труда о народонаселении, уделяет понятию перенаселения лишь несколько строк.

Определение его сводится к следующему:

„Состояние перенаселения, приводящее к тягчайшим хозяйственным и социальным потрясениям, наступает, как только народонаселение достигает той численности, при которой длительно, т. е. значительное число лет подряд, средства для поддержания (Erhaltung) его не могут быть добыты ни из сельского хозяйства и скотоводства собственной страны, ни через сбыт продуктов индустрии и организованный с этой целью обмен их на иные блага иностранного происхождения, ни за счет торговой прибыли, ни через помещение за границей капитала“¹⁾.

Несколькими страницами далее Fircks ограничивается несравненно более кратким определением: „Перенаселение наступает, когда национального дохода (Volkseinkommen) длительно не хватает для содержания (Erhaltung) населения“²⁾. Автор находит, что это состояние в некоторых странах уже наступило и что следует опасаться его повсеместного распространения в не столь отдаленном будущем. При этом он ссылается на подсчеты английского географа Ravenstein'a, который пришел к заключению, что население земли может самое большее достигнуть 9.272 миллионов при допущении, что вся плодородная площадь будет интенсивно обработана и употреблена исключительно для производства пищевых веществ.

Таким образом Fircks предвидит общее перенаселение, понимаемое им как предел размножения людей на земле, полагаемый количеством пищи, при условии наиболее полного использования ее поверхности для производства продовольственных веществ. Что касается современности, то здесь он признает перенаселение лишь части стран. При этом с природными ресурсами их он не считается. Если население какой-либо страны достаточно снабжается путем привоза необходимых продуктов из-за границы, то перенаселения в ней по мнению Fircks'a нет, хотя бы собствен-

¹⁾ Arthur Freiherr von Fircks: «Bevölkerungslehre und Bevölkerungspolitik». Leipzig, 1898, S. 288.

Как этот, так и дальнейшие отрывки из иностранных книг переведены мной.

Л.-Г.

²⁾ A. v. Fircks, *ibid.*, S. 294.

ная ее территория была совершенно недостаточна для поддержания существования ее жителей.

Основываясь на определении Fircks'a мы должны признать, что страна, получившая возможность достаточно снабдить свое население вследствие своих политических или экономических преимуществ, хотя бы путем эксплуатации населения других стран, не будет перенаселена; и наоборот, эксплуатируемые ею страны, производящие достаточные для собственного населения количества пищи и других необходимых жизненных благ, но вынужденные отдавать значительную их часть эксплуатирующей стране, следует признать перенаселенными.

Условность понятия в толковании Fircks'a бросается в глаза. К этому следует добавить замечание, которое я уже сделал относительно положений Мальтуса. Что значит достаточно, или недостаточно снабдить население страны? Не находимся-ли мы здесь в зависимости от установившихся потребностей и представлений о достатке? Индус, китаец, японец потребляют несравненно меньше европейца и однако являются образцами выносливости и физической крепости¹⁾. На характер национального потребления влияют климат, географические условия, возрастной, профессиональный и подходящий состав населения, развитие личной предусмотрительности и местные традиции²⁾.

Отложим, однако, на время в сторону возникающие у нас недоумения и перейдем к анализу других определений. Быть может из сопоставления их мы в состоянии будем выяснять истинное содержание понятия перенаселения.

Фердинанд Летнер, в согласии с Фридр. Бюлау, дает следующее определение: „соразмерной“ (angemessene) населенностью он признает такую „которую страна в состоянии прокормить при условии развития всех средств, находящихся в природе и человеческих силах; прокормить же население, это значит доставить возможность людям всех состояний и профессий добыть себе средства существования посредством умеренного труда. Если это условие больше не осуществляется, если все средства (Hilfsmittel) совершенно использованы, наступает состояние перенаселения, которое, однако, следует отличать от состояния, вызываемого отсутствием пищи, при котором не хватает жизненных припасов и возможность приобрести их представляется лишь немногим; следует отличать его также и от пауперизма“³⁾.

В последующем автор пытается определить понятие абсолютного перенаселения, из чего следует, что охарактеризованное со-

¹⁾ См. напр. Dr. W. Schallmayr: «Vererbung und Auslese im Lebenslauf der Völker» Jena 1903 S. 193 ff.

²⁾ См. Stephan Bauer: «Die Konsumption nach Socialklassen» Handwörterb. d. Staatswissensch. Bd. VI, S. 123 ff.

³⁾ Ferdinand Lentner: «Der Kampf um Raum» Wien, 1882, S. 84.

стояние следует понимать, как относительное перенаселение. „Абсолютное перенаселение“, по мнению Лентнера, „есть совершенно заселенная земля, причем рождающиеся не имеют никакого права претендовать на необходимую им пищу, если их семьи не в состоянии их содержать или если общество не нуждается в их работе, вследствие чего погибают как излишние“¹⁾.

Как видно из приведенных выдержек, определения Лентнера вряд ли в состоянии удовлетворить нас в большей степени, чем определения Фиркса. Из его слов можно заключить, что он имеет в виду установившийся уровень потребления; это ясно сквозит в противопоставлении состояния перенаселения пауперизму и абсолютному недостатку пищи. В понятие абсолютного перенаселения он вносит такие условия, как возможность для семьи содержать рождающихся, потребность общества в труде входящих в его состав лиц; последнее делает его уже совершенно расплывчатым и неопределенным.

Не в большей степени удовлетворяют нас также определения, связывающие понятие перенаселения с неблагоприятным состоянием рабочего рынка.

Профессор Момберт признает, что если Германии и угрожает перенаселение, то лишь потому, что ожесточенная конкуренция соперничающих стран на внешнем рынке может привести к результату, неблагоприятному для нее, вследствие чего она окажется лишена возможности развивать свою индустрию и иные источники заработка в пропорции, соответствующей предложению труда. В другом месте он прямо указывает, что если людям приходится голодать, то это происходит не потому, что недостает средств питания, но потому, что им не хватает денежных средств приобрести себе необходимую пищу, вследствие недостатка заработка²⁾. Для Момберта, таким образом, расширение и укрепление продовольственных ресурсов страны сводится к достановлению и гарантированию хорошего заработка ее населению. Поверхностность его взгляда очевидна...

К той же группе следует отнести и Франческо Нитти, который, употребляя не раз в своей известной книге слово „перенаселение“, не пытается однако определить его. О содержании, которое он вкладывает в это понятие, можно судить лишь по косвенным признакам. Так, признавая, что рост населения в Германии с половины настоящего столетия „принял размеры настоящего перенаселения“ он характеризует это состояние в следующих выражениях: „Распространение образования вызвало повышение культуры, отчего появились новые потребности и жи-

¹⁾ F. Lentner, l. c., S. 147.

²⁾ Prof. P. Mombert: «Die Gefahr einer Übervölkerung für Deutschland». Tübingen 1919, S. 2 ff.

зненный уровень значительно повысился. Культура земли не прогрессирует сообразно потребностям и современному состоянию науки и цивилизации; такое положение вещей вызывает угрожающий прилив населения из деревни в города. В последние тридцать лет образовался класс людей, стремящихся занять всевозможные либеральные профессии. Все ищущие либеральных занятий получают один и тот же ответ: все занято, все переполнено. Постоянный приток населения из деревни в город, непреодолимое давление внешней и внутренней конкуренции затрудняют торговлю, Эмиграция, хотя и довольно значительная, не ослабила причины зла. Борьба все более и более обостряется; она держит умы в постоянном напряжении“¹⁾.

Внешние признаки перенаселения, приводимые Нитти, заслуживают внимания: мы к ним еще вернемся впоследствии. Несоответствие предложения труда со спросом на него представляются и нам серьезным симптомом перенаселения. Однако самый спрос на труд имеет более глубокие причины, чем число вакантных мест. Было бы правильнее, минуя всякие промежуточные стадии обмена и распределения, исходить непосредственно из сопоставления численности населения с продовольственными возможностями и жизненными ресурсами занимаемой им территории.

Так и поступает проф. Max Haushofer в своей небольшой, но прекрасно написанной книжке: „Bevölkerungslehre“. Его определение удовлетворяет нас в гораздо большей степени, чем предшествующие.

Уже на первых страницах своего труда, Haushofer выражает сомнение в том, чтобы можно было признать нормальной населенность стран, вынужденных для удовлетворения потребностей своего населения добавлять к продуктам собственного производства привозные средства существования. Так, нельзя признать масштабом нормальной населенности остров Мальту с его 577 душами населения на кв. километр или область города Гамбурга, с численностью населения 1.850 человек на кв. километр, или Гибралтар с его населением в 5.200 человек на ту же площадь. Население малых территорий ни в коем случае не следует рассматривать как продукт своих мест и сравнивать с населенностью более обширных областей. Даже целые государства, как Англия, Бельгия, имеют населенность, которую нельзя рассматривать, как принадлежащую своим странам; ее следует признать продуктом международных отношений. То-же самое следует сказать про население всех стран, которые не могут прокормить своего населения собственными ресурсами²⁾.

¹⁾ Франческо Нитти: «Народонаселение и общественный строй», стр. 70, 71.

²⁾ Prof. Max Haushofer: «Bevölkerungslehre». Leipzig, 1904, S.s. 17, 18.

В дальнейшем автор уже решительно вводит этот признак в содержание понятия перенаселения.

Он различает три стадии населенности: недостаточную населенность, нормальную населенность и перенаселение. Признаками недостаточной населенности он признает следующие: плодородная земля дешева, господствует крупная земельная собственность, сельское хозяйство большей частью экстенсивное; поселений мало и они находятся на далеком друг от друга расстоянии, фабричных дистриктов мало; существует экспорт сельскохозяйственных продуктов. В таких местах, каждому, имеющему любовь к труду и рабочую силу, не трудно доставить себе необходимые средства существования. В качестве примеров автор указывает на Восток Европы, обширные области Азии, Америку и Австралию.

Под перенаселением Haushofer понимает численность населения, превышающую ту, которую в состоянии содержать естественные ресурсы страны. Такое перенаселение фактически существует во всех странах Западной Европы: во Франции, Великобритании, Германии, Бельгии, Нидерландах, Швейцарии, Скандинавских странах и Италии.

Признаки его следующие: вся полезная земельная площадь использована: преобладают средние, мелкие и мельчайшие размеры сельскохозяйственных предприятий; лесов и пастбищ становится мало; возникают фабричные города и целые фабричные дистрикты, даже в средние годы требуется ввоз пищевых продуктов; развивается эмиграция; производство сырья крайне напряжено; обработка земли интенсивная; те слои населения, которые не содержатся земледелием, наполняют мастерские и фабрики в городах; обмен оживленный и разделение труда сильно выражено. Несмотря, однако, на подвижность населения, в периоды кризисов господствует местами нищета и скудность, средства существования по сравнению с заработными платами дороги; смертность, особенно среди детей, большая.

Вместе с тем автор находит, что такое перенаселение может и не быть тяжелым состоянием при условии оживленного обмена с другими странами и собственными колониями и содержанием за счет их своего населения ¹⁾.

Абсолютным перенаселением автор признает такое состояние населенности, при котором сельское хозяйство, промышленность и торговля страны не в состоянии больше доставить необходимых средств существования населению, вместе с тем он признает, что такого состояния ныне нет, правда, ни в одном государстве ²⁾.

Как видно из приведенных выдержек, Haushofer выгодно отличается от остальных, упомянутых мною исследователей тем, что

¹⁾ Prof. Haushofer, l. c., стр. 95, 96, 103.

²⁾ Ibid.

дает вполне объективный критерий: страны, которые не в состоянии содержать своего населения за счет собственных природных благ, он признает перенаселенными. Они могут благоденствовать за счет импорта необходимых благ, благодаря успехам своей индустрии и торговли. Однако, все же в них населения будет больше, чем сколько в состоянии содержать естественные богатства страны при данном уровне техники.

Промышленный и торговый успех могут оказаться временными и, при изменившейся конъюнктуре мирового хозяйства, благосостояние их может смениться бедствиями перенаселения.

Вообще следует признать, что критерии, из которых исходят Fircks, Mombert, Nitti, являются типичным продуктом идеологии строя всеобщей конкуренции; они не выходят за пределы интересов отдельной страны. Пускай в Индии голод и поля ее белеют костями вымирающего населения. В эксплуатирующей ее Англии перенаселения нет; она сыта за счет хлеба, отнятого у голодающих индусов. Россия вывозила пищевые продукты за счет недоедания своего народа, вынужденная к этому своей хозяйственной отсталостью. Fircks и его единомышленники заключают: перенаселена Россия, так как она не в состоянии удержать для себя своего хлеба; но в потребляющих его западных странах, которым своего хлеба не хватает, перенаселения нет, так как население их не испытывает голода.

Стремясь возвыситься над идеологией националистов, по существу своему мало чем отличающейся от принципов индивидуалистической морали, мы неизбежно должны выйти за пределы национального государства и стремиться установить критерии, соответствующие общечеловеческим интересам.

При этом критерий, предлагаемый Haushofer'ом, оказывается несравненно более подходящим. Если мы признаем перенаселенными страны насчитывающие больше населения, чем сколько они в состоянии прокормить за счет своих естественных ресурсов, то, при оценке общей населенности земли, избыточную его часть придется присоединить к населению стран недонаселенных. Если же таковых не окажется или их свободные ресурсы будут меньше запаса, необходимого для снабжения избыточного населения перенаселенных стран, то вывод может быть лишь один; население земли придется признать чрезмерным.

Общие характеристики стран недонаселенных и перенаселенных, приводимые Haushofer'ом, ценны для нас, поскольку дают целый ряд объективных признаков интересующих нас состояний населенности. Несомненно, здесь много неясного и недоговоренного. Haushofer скользит по поверхности проблемы. Однако, установленные им критерии все же приемлемы для нас, поскольку дают возможность нащупать объект исследования. Подмеченные

им признаки состояний населенности отличаются качествами, весьма ценными для уяснения сущности перенаселения.

До сих пор мы имели перед собой общие определения интересующего нас понятия. Однако, в современной литературе оно, как известно, расчленяется. Нам известны понятия абсолютной и относительной перенаселенности, перенаселенности социальной, в противоположность естественной, городской перенаселенности, в противоположность перенаселенности страны, даже квартирной перенаселенности и т. д.

Наибольшим распространением и признанием пользуется противоположение абсолютной перенаселенности относительной. Своей популярностью оно несомненно обязано великому вождю пролетариата, Карлу Марксу, который признает, „что абстрактный закон народонаселения существует только для растений и животных до тех пор, пока они не подвергаются историческому влиянию человека“. Что касается человечества, то здесь „всякому, особенному историческому способу производства свойственны особенные законы народонаселения, имеющие историческое значение“. В капиталистическом обществе существует относительное перенаселение во всевозможных оттенках и Мальтус неправ, поскольку „выводит из абсолютной, а не из относительной избыточности рабочего населения необходимое условие современной промышленности. К избыточному населению принадлежит каждый рабочий в то время, когда он вовсе не занят или занят наполовину. Перенаселение всегда имеет три формы: текучую, скрытую и неподвижную или стационарную. Под текучей формой Маркс понимает население, отрывающееся от земледелия и стремящееся в городские и промышленные центры. Под скрытой формой — постоянный скрытый избыток населения в деревнях, размеры которого становятся очевидными только тогда, когда отводные каналы открываются довольно широко. Наконец, третью форму, неподвижное перенаселение, Маркс видит в той части активной рабочей армии, занятия которой очень нерегулярны¹⁾.

Вслед за Марксом относительное перенаселение в человеческом обществе признает большинство социалистических писателей, а наряду с ними и так называемые „оптимисты“ среди более консервативных групп исследователей хозяйственной жизни²⁾.

Карл Каутский дает следующий анализ понятия перенаселения: „Перенаселение может быть абсолютным или относительным. В последнем случае оно бывает либо искусственным, либо

¹⁾ См. Карл Маркс «Капитал», перевод под ред. П. Струве. 1906 г., т. I, стр. 453, 456, 460, 461, 462.

²⁾ См. напр. Шиппель: «Современная бедность и современное перенаселение», русск. перев. Петербург, 1902 г., стр. 277.

естественным“. Под абсолютным перенаселением страны Каутский понимает такое состояние последней, „при котором она ни в коем случае не может прокормить больше, чем свое наличное население. Такого состояния нет в настоящее время ни в одной из более значительных областей земли. Все они могли бы производить достаточно жизненных средств для потребления собственного населения“.

Однако, в стране может иметь место относительное перенаселение. Его и имел в виду Мальтус. „Перенаселение, которое согласно Мальтусу господствует повсюду — относительное. Оно представляет несоответствие между наличным состоянием средств существования и одновременным с ним состоянием населенности. Такого рода перенаселение в свою очередь может быть либо естественным, либо искусственным, т. е. вызванным природными законами или социальными законами. Перенаселение потребителей представляет собой естественную форму; от него можно исцелиться либо уменьшением численности населения, либо увеличением средств существования. Перенаселение производителей, наоборот, есть искусственно созданное состояние, которое в большинстве случаев не может быть устранено уменьшением их числа“¹⁾.

Из современных писателей очень много места уделяет анализу понятия „перенаселение“ Ferd. Goldstein. В своей книге о перенаселении Германии он, аналогично Каутскому, противопоставляет перенаселению в физическом смысле понятие социального перенаселения. Первое мыслимо лишь тогда, когда во всех странах, благодаря расцвету промышленности, население размножится так сильно, что природных веществ не будет хватать более для содержания всех людей.

Второе он связывает с состоянием рынка труда. „Работа доставляет людям средства существования. Поэтому не может подлежать никакому сомнению, что одна из форм перенаселения состоит в том, что труд предлагает большее число людей, чем требуется для общества. Когда, например, в каком-либо городе ищут десять торговых служащих, а свой труд предлагают двести, то перед нами перенаселение или переполнение профессии. Это перенаселение, не имеющее, конечно, ничего общего с тем, которое имел в виду Мальтус, зависит от общества, представляет собою исключительно социальное явление и вследствие этого должно быть признано социальным (перенаселением)“. В дальнейшем автор выдвигает понятия городского перенаселения, перенаселения квартир и т. д.²⁾.

¹⁾ Karl Kautsky: «Der Einfluss der Volksvermehrung auf den Fortschritt der Gesellschaft». Wien, 1880, S. 28, 29.

²⁾ Dr. Ferd. Goldstein: «Die Übervölkerung Deutschlands und ihre Bekämpfung». München, S. 15, 17, 63, 64, 68 ff.

Полагаю, что на этом можно закончить ряд литературных справок. Они дают нам достаточный материал для суждения о том, что в современной экономической науке понимается под перенаселением. Считаясь с тем, что всякое устойчивое понятие представляет собою равнодействующую установившихся суждений о каком-либо предмете, я попытаюсь, прежде чем перейти к самостоятельному анализу, резюмировать и подвергнуть критической оценке приведенные определения.

III. Критика господствующих определений.

Все перечисленные мною исследователи говорят о „перенаселении“. Как можно заключить из самого слова, понятие это — оценочное. Оно по самому существу своему требует установления критериев. Кто говорит о перенаселении, тот одновременно с этим должен мыслить какое-либо состояние населенности, которое он признает целесообразным, нормальным, должным. Иначе оценочное понятие „перенаселение“ теряет всякий смысл.

Проникновение в экономическую науку оценок и категории долженствования, с которой они теснейшим образом связаны, особенно характерно для последних десятилетий, хотя нельзя не признать, что экономика никогда не могла всецело изолировать себя от них, несмотря на все сделанные в этом направлении попытки. Изгнанная в дверь, она снова и снова проникала в храм науки, в окна, в щели, отовсюду. Ибо, устранив всякий доступ в сферу наших исследований категории долженствования, мы лишаем себя права судить о том, что хорошо и что плохо в хозяйственной жизни, от чего экономисты всех направлений никогда не могли всецело отказаться.

Про экономическую науку больше чем про какую-либо иную следует сказать, что порождена она практическими запросами; вряд ли кто-либо станет спорить об этом, особенно в настоящее время, когда стихийные процессы анархического развития капитализма привели к целому ряду тяжелых для человечества последствий и послужили несомненной причиной недавно пережитой населением Европы грандиозной политической и хозяйственной катастрофы, от последствий которой оно, вероятно, еще не скоро оправится. Научная мысль невольно ищет выхода из создавшегося невыносимо тяжелого положения. Даже наиболее последовательные детерминисты должны признать, что исторический процесс хозяйственного развития сам толкает социальную науку на путь исканий новых общественных и хозяйственных форм. При этом избежать категории долженствования не представляется ни малейшей возможности.

К счастью, в экономической науке мы имеем критерий, который может рассчитывать на всеобщее признание, вследствие чего в значительной степени теряет характер субъективизма и относительности. Я имею в виду основной хозяйственный принцип, принцип экономизации.

Поскольку мы стремимся к усовершенствованию хозяйственной жизни, к прогрессу материального благосостояния общества, мы вынуждены в наших суждениях о целесообразном, о „должном“ исходить из этого принципа с логической неизбежностью. Что нужно, чтобы труд хозяйствующего населения стал возможно более производительным, чтобы продукты любой отрасли народного хозяйства производились с наименьшими затратами сил и средств?— вот основной вопрос.

Ведь в сущности любой хозяйствующий субъект стремится к проведению в жизнь основного принципа экономизации. К тому же неизбежно стремится и современная наука о народном хозяйстве. Разница в том, что ее искания несравненно более рациональны, так как происходят во всеоружии накопленных экономических и технических знаний.

Если всякого рода экономическое долженствование должно исходить из принципа экономизации, то этот же принцип следует положить в основу установления критериев для народнохозяйственной оценки явлений населенности. Чтобы судить о том, существует ли перенаселение и насколько оно велико, мы должны сравнить интересующую нас степень населенности с той, которую мы можем признать нормальной, опираясь на принцип экономизации.

Поступают ли так упомянутые нами исследователи? Строго говоря—нет. Ни один из них не делает попытки конкретизировать понятие нормальной населенности. И быть может причину этого следует искать в значительных трудностях такой задачи. Лишь Ф. Лентнер выдвигает понятие соразмерной (*angemessene*) населенности. Соразмерной населенностью, как нам уже известно, он признает такую, „которую страна в состоянии прокормить при условии развития всех средств, находящихся в природе и человеческих силах“. Это совершенно неопределенно; не говоря уже о том, что определение Лентнера не имеет никакого отношения к принципу экономизации, для нас не ясно здесь, как и в остальных приведенных мною определениях, какой уровень снабжения имеет в виду автор, а также и то, какие способы снабжения он предусматривает: за счет ресурсов собственной страны или независимо от них. Профессор Haushofer также упоминает о нормальной населенности. Как мы уже знаем, он различает три стадии населенности: недостаточную, нормальную населенность и перенаселение, но конкретизирует своими характеристиками лишь

первое и последнее состояние общества; таким образом о том, что он понимает под нормальной населенностью, мы можем судить, лишь прибегая к заключению от обратного. Признаком недонаселенности он признает легкость найти достаточно оплачиваемое приложение своему труду для каждого желающего. При перенаселении конкуренция среди предлагающих свой труд достигает высокого напряжения. Отсюда следует, что при нормальной населенности предложение труда как раз соответствует числу достаточно оплачиваемых вакансий. Вот и все. Принципа экономизации, который всякому экономисту следует прежде всего иметь в виду, проф. Haushofer не касается. Ничего не говорит он также и про уровень снабжения, который мог бы признать нормальным. Одно лишь ясно из других мест его работы, что нормальная населенность несовместима с необходимостью снабжать население страны заграничным продовольствием. В общем и целом, по приведенным уже мною соображениям, не могу не согласиться с правильностью такой точки зрения.

Другие исследователи совсем не упоминают о каких-либо нормах населенности и непосредственно приступают к характеристике состояния перенаселения, что, конечно, не содействует ясности изложения.

При этом обычно противопоставляют абсолютное перенаселение относительному.

Что касается первого, то все известные нам авторы сходятся на том, что под ним следует понимать такую численность населения земного шара, которая мыслима при наиболее интенсивном и полном использовании веществ и сил природы для производства пищи. Все согласны с тем, что такого состояния еще никогда не наблюдалось. Скажу больше. Достижения техники, возможные в будущем, нам неизвестны; их нельзя предвидеть, и, следовательно, в любой момент времени можно будет мечтать о таком ее состоянии, которое даст возможность прокормить на земле больше народа, чем мы можем себе представить, при современном уровне технических знаний¹⁾. Однако, если бы даже возможно было такое состояние общества, при котором численность населения оказалась бы на уровне продовольственных возможностей при наибольших достижениях техники и наивысшем напряжении труда, то и это состояние, по моему крайнему разумению, нельзя было бы признать абсолютным перенаселением по уже высказанным мною соображениям. Население в этом

¹⁾ Если исходить из естественно-исторических законов постоянства вещества и сохранения энергии, то мы повидимому должны прийти к заключению, что путем ускорения процесса их кругооборота техника может осуществить неограниченные достижения. Задача сводится к тому, чтобы ускорить процесс превращения отбросов человеческой жизни в новые количества предметов потребления.

случае как раз соответствовало-бы наличным средствам существования. Избыточное население погибало-бы в момент своего образования. Такого абсолютного перенаселения не существует ни для животных, ни для растений. Кроме того, нет никакого сомнения, что как люди, так и другие живые существа еще очень задолго до такого состояния почувствуют в достаточной степени сильно происшедшее утеснение и примут зависящие от них меры к его устранению.

Поэтому мне кажется, что вряд-ли возможно говорить об абсолютном перенаселении в принятом смысле это термина. Абсолютное перенаселение—nonsens...

Итак мыслимо лишь относительное перенаселение или, быть может, правильнее сказать—просто перенаселение, так как термин „относительное“ является излишним, поскольку мы отрицаем возможность абсолютного перенаселения.

Поскольку дело касается характеристики состояния относительного перенаселения (или просто „перенаселения“), то за исключением проф. Haushofer'a все известные нам исследователи вслед за К. Марксом приводят его в тесную связь с социальным строем и в частности с условиями рабочего рынка. Спрос на труд и формы взаимоотношений между предпринимателями и рабочими являются для них рамками, за которые они не переступают в своем анализе.

Поэтому для К. Маркса перенаселение среди рабочих вполне совместимо с отсутствием перенаселения в других классах общества. Капитализм создает обстановку, которая приводит к чрезмерному размножению рабочего класса. Но капитализм в состоянии создать перенаселение даже в случае, когда пролетариат не будет проявлять тенденции к численному возрастанию. Маркс приводит пример Ирландии, где, несмотря на непрерывное уменьшение численности населения, капиталистическая эксплуатация держит рабочий класс на низком уровне существования и в состоянии относительного перенаселения ¹⁾, Fircks, Mombert, Lentner, F. Goldstein, Шиппель, Каутский вслед за Марксом видят перенаселение там, где рабочее население страны не в состоянии найти заработка, достаточно вознаграждающего его труд. При этом они не признают существования из собственной страны, или из-за границы. Для них имеет значение лишь то, чтобы предлагающие свой труд находили достаточный заработок. Последний может оказаться мал. Та или иная часть из ищущих его может вообще не найти приложения своему труду; в этом случае наступает состояние относительного перенаселения. Причиной может оказаться общеизвестная политика класса предпринимателей,

¹⁾ К. Маркс, I. с. стр. 509.

стремящихся всеми средствами понизить заработную плату и вызвать образование необходимой для осуществления этой цели резервной рабочей армии (теория К. Маркса). Причина может скрываться также в последствиях конкурентной борьбы предпринимателей в случае неблагоприятной конъюнктуры международного рынка; это может привести к сокращению производства или недостаточному расширению его по сравнению с ростом предложения труда. И в том и в другом случае наступает состояние относительного перенаселения, которое может быть устранено лишь элиминированием причин, приводящих в несоответствие спрос на труд и его предложение.

Маркс определенно указывает на основную причину этого несоответствия—строй анархии капитализма. Вывод ясен: лишь устранение этого строя может уничтожить существующую форму относительного перенаселения.

Далеко не так ясно решается вопрос, поскольку мы будем искать выхода в устранении неблагоприятного состояния международного рынка. Здесь перед нами встает необозримо большой и многообразный комплекс факторов. Для выяснения вопроса мы вынуждены будем либо подвергнуть исследованию весь материал, которым оперирует экономическая наука, либо удовлетвориться той степенью углубленности анализа, которая приводит к формуле: относительное перенаселение есть несоответствие предложения труда со спросом на него.

Ясно, что такое решение вопроса не может нас удовлетворить. Оно слишком малосодержательно и является поистине продуктом капиталистического строя. В наше время ясно выраженного перехода к иным формам социальных и хозяйственных отношений отождествление понятия перенаселения с ненормальным состоянием рабочего рынка становится анахронизмом. Перенаселение среди рабочего класса было поистине исторической формой населенности в период анархии капитализма.

Вслед за Марксом мы утверждаем, что поистине каждый хозяйственный строй имеет свой закон народонаселения. И нет никакого сомнения в том, что в наступающую новую эпоху организованного народного хозяйства и рационализации всех социальных и хозяйственных отношений проблема населенности должна получить совсем иное освещение, чем в эпоху торжествующего капитализма.

Организационно-хозяйственная наука должна по самому существу своему не только констатировать и устанавливать причины зависимости хозяйственных явлений, но и оценивать их. Поэтому именно здесь всякого рода оценочные понятия должны привлекать к себе особенное внимание.

Население возрастает, а вместе с тем происходит постоянное видоизменение отношения численности людей к запасам природ-

ных благ. Размеры территории, приходящейся в среднем на каждого человека, уменьшаются. Где же следует видеть разумный предел этого уменьшения?

Нам известно, что весь хозяйственный процесс представляет воздействие человека на природу. Технические приемы этой хозяйственной деятельности постоянно видоизменяются и совершенствуются. Традиция передает накопленные знания и навыки от поколения к поколению и человечество переходит к все более насыщенному знанием и опытом системам хозяйства. Но для любой из этих систем, для любого момента социальной истории теоретически мыслимо указать то взаимоотношение между численностью населения и запасами природных благ, которое в наибольшей степени должно соответствовать росту народного благосостояния.

Процесс переработки природных благ, их обмена и распределения, распадается на необозримое количество различных форм. Над ним и из него возникает сложная надстройка социальных отношений и общественной идеологии. И однако в основе все тот же процесс воздействия человека на запас природных благ, для которого не может быть безразлично, какое их количество придется в среднем на каждого хозяйствующего человека.

При этом всякую степень населенности, превышающую ту, при которой это отношение наиболее благоприятно, следует признавать перенаселением... Не абсолютным перенаселением, так как мы уже отвергли этот термин по целому ряду приведенных мною соображений, и даже не относительным перенаселением, так как если всякое перенаселение с известной точки зрения относительно, то стоит ли употреблять этот дополнительный термин; условимся называть это состоянием перенаселения, безо всяких дополнений. По самому логическому существу нашего нормативного мышления мы вынуждены именно так понимать перенаселение, если только организационно-хозяйственная наука и соответствующие ей формы мышления имеют право на существование и не представляют бессмыслицы.

Понятия классового, группового перенаселения, перенаселения какой-либо замкнутой области, города, населенного места относятся к установленному нами общему понятию, как частное к общему. Мало того, следует признать, что они трудно поддаются определению и растяжимы, поскольку ни одну из существующих человеческих групп при современных формах народного хозяйства и социального обмена мы не в состоянии представить себе изолированно от других.

Организационно-хозяйственная наука имеет дело с хозяйствующим населением в его целом и неизбежно должна считаться с интересами всей совокупности составляющих его людей. Лишь общее развитие благосостояния в результате общего под'ема производительности труда может служить достойной целью ее

стремлений. При этом лишь установление общих критериев, опирающихся на эти наиболее глубокие основные задачи организационно-хозяйственной науки может помочь нам в раскрытии содержания более частных оценочных понятий.

Выдвигая точку зрения, единственно мыслимую для организационно-хозяйственной науки, я ясно сознаю, что определения мои нуждаются в целом ряде пояснений и дополнений: они слишком общи и расплывчаты. В дальнейшем я имею в виду снова вернуться к ним и постараюсь ответить на целый ряд вопросов, естественно возникающих при первом ознакомлении с изложенной точкой зрения.

Пока для нас достаточно сказанного, чтобы выявить наше отношение к существующим определениям понятия перенаселения.

Ясно, что для меня грань, отделяющая состояние перенаселения от нормальной населенности и населенности ниже нормальной лежит не там, где ее видят исследователи, выдвигающие понятие абсолютного перенаселения. Для них в сущности этой грани вообще не существует, так как самое состояние абсолютной перенаселенности, как мы видели, совершенно неопределенно. Если в оценке населенности исходить из признания нормальным состоянием ту численность населения, при которой люди еще не умирают с голода, то понятие нормальной населенности становится крайне растяжимым; с этой точки зрения, пожалуй, всякую населенность можно признать нормальной и совершенно не опасаться за участь человечества.

Не могу я также согласиться с теми исследователями, которые усматривают перенаселение в неблагоприятном для трудящихся состоянии рабочего рынка.

Прежде всего здесь не ясно, какое его состояние следует признать неблагоприятным, какие размеры заработка должны служить признаком, определяющим состояние перенаселения и противоположные ему состояния. Не безразлично для нас также и отношение населения какой-либо ограниченной территории к запасам природных благ, так как увеличение численности населения в какой-либо стране за счет использования сырья и продовольственных ресурсов иных стран может вызвать спокойное к себе отношение лишь тех исследователей, которые признают конкурентную борьбу за средства существования со всеми ее последствиями неравенства, эксплуатации и угнетения необходимым условием какого бы то ни было строя.

Мы мыслим иначе. Мы стремимся к такому состоянию общества, когда борьба человека против человека станет ненужной, сделается анахронизмом, достоянием истории... Мы не можем поэтому принять общераспространенные определения „относительной“, поистине, в высокой степени „относительной“ перенаселенности.

Однако все же следует признать, что определения эти

охватывают признаки, с которыми нам нельзя будет не поспешить при раскрытии содержания интересующего нас понятия.

В несравненно большей степени удовлетворяют нас признаки, выдвигаемые проф. Haushofer'ом. Как мы уже знаем, он признает, безо всяких обиняков, перенаселенной всякую страну, которой недостает своих природных веществ и которая вследствие этого вынуждена импортировать их из других стран. Конечно и здесь можно многое возразить. Считать ли, например, перенаселенной густо заселенную пригородную территорию, обменивающую произведения своей индустрии на сельскохозяйственные продукты окружающих земледельческих районов. Можно ли признать перенаселенным наш дальний север на том основании, что его население на средства вырученные от лесных, охотничьих, рыбных промыслов и скотоводства покупает недостающую ему муку, доставляемую ему из более южных губерний? Перенаселена ли Финляндия, если она, несмотря на свое редкое население, вынуждена благодаря своим природным условиям ввозить пищевые продукты, расплачиваясь за них экспортом леса и изделий своей промышленности, изготовленных из собственного сырья?

Действительность бесконечно разнообразна и ее трудно уложить в определенные рамки. И однако, признак, установленный Haushofer'ом, все же нас несравненно более удовлетворяет, чем приведенные раньше. Если население какой-либо страны не в состоянии сносно существовать без привоза пищевых припасов и необходимого сырья из других стран, то это означает, что последние должны для поддержания баланса в мировом снабжении содержать соответственно меньше собственного населения или содержать его хуже, чем следовало бы. Они должны быть недонаселены, населены в меньшей степени, чем позволяют их природные ресурсы. В противном случае мировое равновесие между численностью населения и запасами природных благ будет нарушено. На это обстоятельство приходится обратить самое серьезное внимание.

Иные признаки, выдвигаемые Haushofer'ом в его характеристике состояний населенности, заслуживают не меньшего внимания. Их можно свести к следующей формуле: чем более насыщена территория населением, тем интенсивнее земледельческая культура, тем напряженнее протекает общий процесс хозяйственной жизни. Когда это напряжение переходит известный предел, наступает состояние перенаселения. Момент этот связан с невозможностью для страны прокормить свое население собственными природными ресурсами.

Мой обзор существующих определений понятия перенаселения закончен. Считаюсь с ними, заимствуя из них признаки, оказавшиеся для меня приемлемыми, я постараюсь теперь дать собственное определение.

IV. Определение понятия перенаселения.

Как было уже мною указано, понятие „перенаселение“ — оценочное, и место ему, следовательно, в нормативной науке, в данном случае в организационно-хозяйственной.

В теоретической экономике оно, в сущности говоря, не у места и возникает, так сказать, по недоразумению, так как оценки по самому смыслу ее должны быть ей чужды. Ее область — раскрытие законов народного хозяйства. Она принципиально не должна идти дальше описания явлений, их классификации и установления причиннозависимостей.

Поэтому появление и приобретение в последнее время прав гражданства в социальной и в частности экономической науке оценочных понятий является симптоматическим признаком быть может еще мало осознанного перехода их к новым методологическим принципам. Теоретическая наука все в большей степени воспринимает элементы политики, все в большей степени стремится приспособить себя к разрешению практических проблем.

Это естественно и по существу правильно. Плохо лишь то, что теоретическая и нормативная сферы остаются недостаточно разграниченными. В старые меха вливают новое вино; в результате мы имеем как в области метода, так и в пользовании им много непоследовательностей и противоречий, что очень сильно препятствует прогрессу общественных наук.

Об этом я имел уже не раз случай высказываться ¹⁾ и не стану здесь повторяться.

Для нас сейчас существенно лишь осознать, что интересующее нас понятие „перенаселение“ есть по существу оценочное, нормативное и, следовательно, всецело относится к области нормативной, организационно-хозяйственной науки.

Итак, чтобы понять, что такое перенаселение, мы должны сначала установить критерии населенности или, иными словами,

¹⁾ См. мою статью «О нормативных изысканиях» в «Вестнике статистики» 1919 г., № 2 — 3.

по возможности обстоятельнее определить, что следует понимать под нормальной, целесообразной, должествующей быть населенностью.

В своем месте мною уже было указано, что в экономической науке нормативное мышление в отличие от других областей знания имеет твердую и общепризнанную опору в основном экономическом принципе. Именно здесь следует искать ту почву, на которой экономисты могут понять друг друга и договориться до общеприемлемых положений и выводов.

В частности в интересующем нас вопросе дело сводится к тому, чтобы установить ту степень населенности, при которой материальное благосостояние населения могло бы достигнуть желательного уровня.

Для этого необходимо, чтобы имела место численность населения, при которой производительность человеческого труда в случае правильной его организации и использования всех природных ресурсов и технических возможностей могла бы достигнуть желательного развития.

Определение мое чрезвычайно общее. Без ограничений оно приемлемо лишь в том случае, если мы мыслим человечество в его целом. Под нормальной населенностью страны следует при этом понимать такую ее населенность, которая должна иметь место при нормальной населенности земного шара и наиболее рациональном в хозяйственном отношении размещении населения по его поверхности.

Определение это нуждается в целом ряде пояснений.

Возникают вопросы:

1) Учитываем ли мы, что благосостояние общества находится в зависимости не от одной только производительности труда, но и от ряда иных условий?

2) Правда ли, что плотность населения влияет на производительность труда? Может быть прямой зависимости здесь нет; в таком случае нет оснований приводить в связь численность населения и производительность труда.

3) Что значит „правильная организация труда“? Правильная организация есть также оценочное понятие, нуждающееся в установлении критериев.

Постараюсь ответить на эти вопросы.

1) Если мы будем исходить из того, что в человеческом обществе лишь часть трудоспособного населения работает производительно, а другая его часть бездействует, и проводит жизнь в праздности, то несомненно уровень благосостояния общества будет зависеть не только от производительности труда работающих, но и от соотношения численности трудящихся и праздных слоев общества. Однако мы мыслим строй, где имеет место правильная организация труда, при которой каждый трудоспо-

собный использован для той или иной отрасли народного хозяйства или общественно-полезной деятельности. В таком случае соотношение трудоспособных и нетрудоспособных будет колебаться не особенно значительно и мы в общем и целом можем допустить прямую зависимость между производительностью народного труда и уровнем материального благосостояния. В самом деле допустим, что производительность труда удвоится; в таком случае будет выработано в два раза больше материальных благ, что даст при той-же численности населения в среднем в два раза больше предметов потребления на каждого жителя.

2) Правда ли, что плотность населения влияет на производительность труда? Другими словами, правда ли, что для производительности труда безразлично, какое количество природных благ приходится в среднем на каждого трудящегося? В области сельского хозяйства, производящего основные хозяйственные блага—пищу и значительную часть сырья, вопрос сводится к тому, действует или нет закон убывающей производительности земли? В различных отраслях добывающей промышленности подлежит обсуждению, оказывает ли на производительность труда влияние количество рабочей силы, направленной на добычу тех или иных благ, например число ловцов на улов рыбы, приходящейся в среднем на каждого из них, число охотников на количество убиваемой каждым из них дичи, число сборщиков на количество собираемых каждым из них кедровых орехов в лесах Сибири и т. д.? Что касается обрабатывающей промышленности, то здесь вопрос приходится ставить несколько иначе: если увеличение производительности труда сводится к возрастанию выработки окончательного продукта на каждого трудящегося, и если это увеличивает количество перерабатываемого им сырья, то не связано ли увеличение производительности различных отраслей обрабатывающей промышленности с увеличением количества сырья по расчету на каждого трудящегося? При этом не следует забывать, что последнее может быть достигнуто лишь одним из следующих способов; либо сокращением числа работающих в обрабатывающей промышленности при данном количестве сырья, либо увеличением количества сырья при одном и том-же числе работающих? Но возможно ли увеличивать количество сырья беспредельно? И не связано ли это со степенью производительности труда в сельском хозяйстве и различных отраслях добывающей промышленности? А последние могут в свою очередь зависеть, как мы видели, от соотношения запасов природных благ и количества труда, направленного на их использование.

Чтобы обстоятельно ответить на все эти вопросы, мне пришлось бы использовать огромную литературу. Сейчас я не имею возможности этим заниматься. Ограничусь лишь указанием, что

действие закона убывающего плодородия почвы доказано длинным рядом опытов, произведенных натуралистами, у которых нет двух мнений по этому вопросу. E. Wollny формулирует закон убывающего плодородия следующим образом: „Каждый фактор произрастания по мере интенсификации увеличивает производительную способность растений до определенного оптимального уровня, при котором наступает максимум урожая; но начиная с этого уровня, при дальнейшем возрастании интенсивности этого фактора, производство растением органического вещества испытывает постоянное падение, пока не наступает предел, при котором дальнейшее усиление фактора произрастания уже не приводит к увеличению количества органического вещества“¹⁾. Определение Wollny имеет совершенно общий характер и под него можно подвести влияние любого фактора произрастания. Закон этот сказывается на произрастании любого растения, а также в животном царстве. Действие его обнаружено многочисленными исследованиями, произведенными целым рядом ученых. Имена Эмиля Вольфа, Lawes, Gilbert'a, Ad. Mayer'a, Haberland'a и в особенности E. Wollny тесно связаны с опытной проверкой действия закона убывающего плодородия почвы²⁾.

Однако, несмотря на аргументацию натуралистов, в экономической литературе нет единства мнений о законе убывающего плодородия. С одной стороны есть много экономистов, которые настолько уверены в его универсальном действии, что находят возможным исходить из него в своем экономическом мышлении³⁾; но на ряду с этим можно указать ряд писателей, отрицающих закон убывающего плодородия или находящихся, что действие его еще не наступило.

Здесь не место разбираться во всей этой литературе и раскрывать истинные причины существующих разногласий. Отмечу лишь, что значительная часть их проистекает повидимому от сме-

¹⁾ См. Joseph Esslen: «Das Gesetz des abnehmenden Bodenertrages». München 1905, S. 103.

²⁾ Ibid., S. 24, 88 ff.

³⁾ Со времени Рикардо абстрактная экономика в значительной степени базируется на законе убывающего плодородия. Из него исходит англо-американская школа экономистов: Гобсон, Кларк, Карлтон, Феттер, Карвер кладут его в основу своих теоретических рассуждений. См. напр. T. N. Carver г. «La repartition des richesses» (французский перевод), Paris 1912 г. Carver г. находит, что если бы закон убывающей производительности не существовал, то для фермера было бы наиболее выгодно занять культурой какого-либо растения лишь небольшую часть земли и сконцентрировать на ней весь свой труд и свой капитал. Однако в действительности мы этого не наблюдаем. Carver г. признает, что без сомнения этот закон так хорошо известен и до такой степени повсеместно признан, что доказательство его существования было бы излишним, если бы некоторые авторы не пытались его отрицать, вследствие того, что он не согласуется с их экономическими воззрениями (L. с. стр. 57).

шения с естественно-историческим законом убывающего плодородия экономического принципа убывающей доходности. С другой стороны можно указать целый ряд явлений народного хозяйства, которые трудно истолковать иначе, как невозможностью неограниченно увеличивать плодородие земли.

Во-первых, если бы не было закона убывающего плодородия, то вряд ли возможно было объяснить тенденцию сельского хозяйства к рассеянию. Земледельческое население вечно стремится к расширению своего землевладения; у нас, в России, крестьянское малоземелье как в народном мнении, так и в русской экономической литературе признается одной из основных причин несовершенств нашей аграрной действительности¹⁾. Между тем, если бы с ограниченного участка земли можно было получать неограниченно большие выходы продукта и притом без уменьшения производительности труда, то стремление к территориальному расширению сельско-хозяйственного предприятия не имело бы никакого смысла.

Далее нам известно, что в экономической литературе всеобщим признанием пользуется утверждение, что интенсивные системы сельского хозяйства выгодны лишь при высокой стоимости получаемых в нем продуктов. Не означает ли это, иными словами, что эти системы менее производительны, чем интенсивные? Ведь мы знаем, что именно увеличение производительности труда дает возможность поставить на рынок более дешевый продукт; не в этом ли заключаются основные преимущества механизации труда и машинного производства? Все это избитые истины, на которых вряд ли стоит долгие останавливаться. Преимущества крупного производства перед мелким, кризис сельского хозяйства в Европе, заваленной в 70-х годах прошлого века дешевым заокеанским хлебом — все это служит подтверждением отмеченной мною закономерности. Действительно, если мы сравним производительность труда при экстенсивных системах сельского хозяйства, господствующих в колониальных странах, с продуктивностью интенсивных систем Западной Европы и Восточно-Азиатских стран, нас поразит несравненно большая производительность труда в первых.

По данным П. Лохтина²⁾:

¹⁾ См. напр. А. И. Чупров: «Мелкое земледелие и его основные нужды» 1907, стр. 113, А. А. Мануилов: «Поземельный вопрос в России» 1905, стр. 29 и сл., 49 и сл. П. Маслов: «Аграрный вопрос в России», I, стр. 203 и след.

²⁾ Таблица заимствована мною у Г. Ф. Нефедова, который в своей монографии «Закон народонаселения и Россия» (Моршанск, 1910 г.) делает сводку данных, разбросанных в книге Лохтина.

Местным населением добыто на 1 душу
земледельческого населения в пудах за
вычетом посевных материалов.

СТРАНЫ.

СТРАНЫ.	Зерновые продукты и сухое вещество картофеля.	Кормовые про- дукты в эквива- лентах сена.
Соед. Штаты Сев. Ам.	140 (1888—93 г.г.)	820
Соед. Королевство	73 (1888—97 г.г.)	236,4
Франция	66,7 (1892)	155,9
Германия	64,3 (1888—93 г.г.)	118,9
Россия (50 губ.)	33,4 (1893—98 г.г.)	48,4
Япония	27,1 (1893—95 г.г.)	—

Нам известны и другие свидетельства несравненно большей
производительности сельского хозяйства колониальных стран срав-
нительно с западно-европейскими. По вычислениям проф. Баллода:

СТРАНЫ.

Доход с сельского хоз. на
одного трудящ. в нем в
хлебных эквивалентах:

Россия	1,35 тонн
Франция	2,65 "
Германия	3,61 "
Англия	4,8 "
Америка	9
Северн. Центр. Отд. С.-А. Соед. Штатов	20 "

Баллод приходит к заключению, что производительность зе-
мледельческого труда в Соединенных Штатах Северной Америки
можно считать в 2,7 раз выше, чем в интенсивном земледелии
Германии, но в среднем для земледелия и скотоводства, по его
мнению, сельско-хозяйственный труд в Северо-Американских Шта-
тах в 4 раза более продуктивен, чем в соответствующих отраслях
Германского народного хозяйства ¹⁾.

Если мы припомним, далее, что западно-европейским странам
при уплотнении в них населения, несмотря на интенсификацию в
них сельского хозяйства оказался необходим все возрастающий
привоз пищевых продуктов из слабо-заселенных земледельческих
стран, то мое утверждение, что закон убывающей производитель-

¹⁾ Prof. Karl Ballod: «Productivität der Landwirtschaft» Schriften des
Vereins für Socialpolitik, Bd. 132, s. 439 ff.

ности земли не химера, а реальный факт, можно считать доста-
точно обоснованным. Надо сказать, что экономическая проверка
действия закона убывающего плодородия почвы чрезвычайно за-
трудняется целым рядом специфических условий сельского хозяй-
ства. Переходя к более интенсивным системам хозяйства, изме-
няют севообороты, вводят новые культуры, усиливают одни эле-
менты хозяйства за счет ослабления других; все это до край-
ности затрудняет сравнение. Если мы к этому добавим обычный
метод выражения издержек производства в деньгах и припомним,
что в денежные оценки приходится целый ряд факторов социаль-
ного происхождения, варьирующих по месту и времени, то нам
станут понятны затруднения, оттягивающие окончательное раз-
решение вопроса о действии закона убывающего плодородия.

Однако для целей настоящей моей работы достаточно сказан-
ного. Для меня было существенно лишь показать, что плотность
населения влияет на производительность труда. Я не говорю о
том, как, в какой степени влияет, так как это по существу без-
различно для дальнейшей аргументации.

3) Перехожу к третьему вопросу. Что значит „правильная
организация труда“? Под правильной организацией труда я мыслю
такую, при которой рабочие силы населения использованы наи-
более рационально. Это означает не только то, что среди трудо-
способных не остается праздных и каждый выполняет посильную
для него работу и притом без ущерба для своей физической и
духовной сущности; что, далее, в каждой отрасли народного хо-
зяйства труд достигает наибольшей производительности при на-
личном уровне технических знаний. Сюда входит еще одно усло-
вие первостепенной важности, а именно—такая организация труда,
которая приводит к желательному уровню снабжения.

Что значит желательный уровень снабжения? Это гораздо
менее ясно и определено, чем принцип экономизации, с которым
мы до сих пор имели дело. Я преднамеренно говорю о желатель-
ном, а не высшем уровне снабжения, так как отчетливо сознаю,
что потребности населения могут сильно варьировать в зависи-
мости от целого ряда природных и социальных условий. Потреб-
ности образованного европейца, американского рабочего, рус-
ского крестьянина, китайца, индуса весьма различны. Здесь
существенную роль играют и установившиеся привычки, и образ
жизни, и характер деятельности. В одной и той же стране раз-
ные группы населения могут нуждаться в весьма различных со-
вокупностях предметов потребления. Считаюсь с выявившимися
потребностями общественных групп, вожди общества могут в
своей организационно-хозяйственной деятельности исходить из
сильно варьирующих заданий и преследовать различные цели.
Все это не может не повлиять и на распределение рабочих сил
по разным отраслям народного хозяйства.

Допустим действие закона убывающего плодородия почвы. При этом интенсификация земледелия приведет к падению продукции по расчету на каждого работающего в нем. Однако общая сумма полученных в земледелии продуктов может при этом возрасти, если количество затраченных в нем рабочих сил соответственно увеличится. Возьмем сопоставление проф. Баллода. В России на долю каждого трудящегося в земледелии вырабатывается 1,35 тонн сельско-хозяйственных продуктов в хлебных эквивалентах, а в Америке—9 тонн. Однако, если бы в России при этом было занято сельским хозяйством в 10 раз больше населения, чем в Америке, то абсолютные размеры сельско-хозяйственной продукции, в России превышали бы американскую в отношении 13,5:9. Вопрос сводится к тому, сколько людей можно было бы при этом удовлетворительно снабдить продуктами земледелия. Последнее зависит в свою очередь от того, из каких норм снабжения будем мы исходить при этих двух сильно отличающихся друг от друга системах хозяйства: из тех, которые соответствуют действительному потреблению продовольственных веществ в Америке, или в России, или каких-либо иных. Однако вместе с тем совершенно ясно, что при данном уровне снабжения мы будем в состоянии доставить продовольствие неизмеримо меньшему относительно количеству не земледельческого населения в России, чем в Америке, что не может не повлиять на снабжение ее иными благами.

Вопрос о значении для народного хозяйства производительности земледельческого труда в свое время послужил предметом моего исследования, и мне не хотелось бы здесь повторяться.

Я сопоставил в нем народное хозяйство двух изолированных стран, из которых одна—германского типа, другая—американского. Все отрасли хозяйства, за исключением сельского в обеих странах, согласно моему допущению, имеют тождественную производительность, но сельское хозяйство в стране американского типа в 3 раза более производительно, чем в стране германского типа. Несложными вычислениями мне удалось показать, что если при этом в стране американского типа один из 10 жителей может посвятить свой труд производству высших культурных благ, то в стране германского типа лишь один из 90¹⁾ и следовательно последних будет произведено относительно, по расчету на каждого жителя в стране американского типа в 9 раз больше, чем в стране германского типа.

Конечно, потребности населения могут быть таковы, что оно и не будет нуждаться в значительном количестве высших куль-

1) См. мою статью «О нормальной интенсивности земледелия» в Агрономическом журнале за 1915 г., вып. 5 и 6, стр. 65 6-го выпуска.

турных благ. В этом случае можно будет мириться с таким строем народного хозяйства, который предопределяет скудное снабжение многочисленного населения с низким уровнем потребностей; можно даже считать такой строй более желательным по ряду соображений. Мы упираемся здесь в критерии, которые по самому существу своему не могут не быть условны и субъективны. Вместе с тем нельзя не признать, что разрешение нашей проблемы встречает на своем пути существенное препятствие в растяжимости и неопределенности понятия „желательного уровня снабжения“.

Здесь все зависит от того, в чем будем видеть мы, представители науки, и, что в данном практическом вопросе еще более существенно, широкие слои населения идеал снабжения. Нам известно, что человеческие потребности представляют нечто крайне эластичное, способное к беспредельному росту. Условность определяющего понятия таким образом становится для нас очевидной.

Несомненно лишь одно, что для любого уровня снабжения при данных достижениях техники должен существовать известный, соответствующий им уровень населенности, который по изложенным соображениям следует признать нормальным. Населенность более значительная будет уже чрезмерна и должна быть признана перенаселением, населенность менее значительная—недостаточной населенностью, недонаселением.

Итак мы приходим к заключению, что как понятие нормальной населенности, так и сопряженные с ним понятия перенаселения и недонаселения условны и зависят с одной стороны от того, что мы признаем желательным уровнем снабжения, а с другой—от достижений техники.

Мой вывод может вызвать чувство неудовлетворенности и недоумения. Если понятие перенаселения столь неопределенно и эластично, то стоит ли дольше на нем останавливаться? Не лучше ли отказаться от него и искать опоры для нашего экономического мышления в иной области?

С этим я совершенно несогласен. Напротив, я утверждаю, что именно в настоящий момент своего анализа я нахожусь на пороге выводов, в огромном социальном значении которых не сомневаюсь.

Человеческие потребности эластичны, растяжимы; это верно. Но не менее верно и то, что культурный прогресс заключается в их развитии.

Народы, которых не коснулась или мало коснулась цивилизация, удовлетворяются формами зоологического существования, грубой пищей, неприхотливой одеждой и тесным, грязным, лишенным элементарного комфорта жилищем; они часто не имеют даже никакого представления о высших культурных благах, которыми не без основания гордится цивилизованное общество; но вместе

с тем мы знаем, что развитие культуры приводит к возникновению и росту все большего числа и притом все более утонченных потребностей. Развитие их неотделимо от культуры, которая в том и заключается, что переводит человеческое общество в более высокие, более достойные человека условия существования. Трудно сказать, что является здесь обуславливающим моментом, приводит ли рост материальной культуры к развитию потребностей или наоборот, развитие последних предшествует культурному прогрессу. Вероятно, как и во многих иных социальных процессах, мы имеем здесь взаимодействие факторов; они развиваются параллельно, стимулируя взаимно друг друга. Как бы то ни было, нет сомнения, что оба процесса тесно связаны и по существу неразделимы. Чем культурнее народ, тем выше и многообразнее его потребности.

С другой стороны вместе с ростом потребностей прогрессирует обычно и техника. Благодаря ее успехам люди получают возможность перерабатывать и превращать в предметы потребления в единицу рабочего времени все большие количества природных благ. Становится неизбежным вывод, что для переработки наличного запаса природных веществ по мере развития техники требуется все меньшее количество рабочих сил и все большее, относительно, их количество может быть направлено на производство высших культурных благ.

Если по мере развития технической культуры все меньшее количество рабочих сил необходимо для переработки и превращения в предметы потребления природных веществ, если с другой стороны культура приводит к умножению потребностей человеческого общества, для удовлетворения которых количество природных благ, по расчету на каждого человека, в среднем должно возрастать, то вывод ясен: понятию нормальной населенности с развитием цивилизации и ростом потребностей, по видимому, должна соответствовать более редкая населенность. А вместе с тем и состояние перенаселения должно наступать при меньшей численности населения. Ибо, по видимому, лишь при уменьшении численности населения можно будет все в большей степени повышать производительность труда и, следовательно, относительно сокращать часть населения, занятую производством основных хозяйственных благ, относительно увеличивая ту его часть, труд которой будет направлен на производство высших культурных ценностей.

Основной вопрос сводится к тому, какой уровень снабжения признаем мы нормальным; или, правильнее сказать, не мы, а основная масса населения страны. Представления о нормальном уровне снабжения могут быть у населения чрезвычайно разнообразны. Обуславливающими факторами здесь являются устано-

вившиеся привычки и идеология общества в самом широком смысле слова. Здесь влияет не только культурный уровень населения, но весь уклад народной жизни, выработанный вековой традицией, тесно связанный с характером и психологией народа; на представление о том, что значит хорошо жить, влияет также установившаяся мораль и религиозные воззрения. Характер населения может быть инертным, вялым; дух предприимчивости может быть ему чужд и оно сознательно может предпочитать скудные условия существования, лишь бы только поменьше работать. В таком случае мы вряд ли можем рассчитывать быстро привить ему культурные привычки и выработать в нем вкус и стремление к улучшению материальных условий существования. Культурный прогресс будет в таком случае затруднен, а вместе с тем и нормальный уровень населенности будет при остальных равных условиях выше.

Далее, среди населения одной и той же страны нет и не может быть единообразного представления о нормальном, желательном уровне снабжения. Здесь влияет и род профессии, и духовные запросы, и национальность.

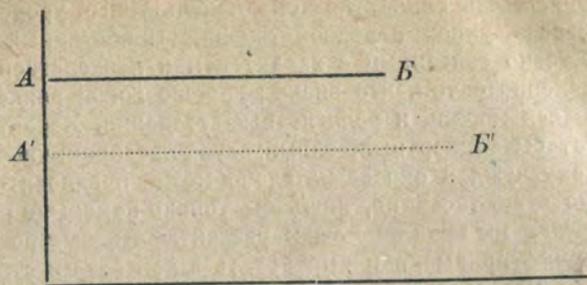
Я не думаю, чтобы жизненные запросы русского крестьянина, рабочего, интеллигента и инородца-кочевника были вполне однородны. Все это вносит еще большие трудности в разрешение нашей проблемы.

Однако, вместе с тем следует отметить одно обстоятельство, значение которого трудно преувеличить. Не может быть сомнения в том, что эмоция контраста вызывает в людях тяжелые переживания при переходе от лучших условий жизни к худшим. Поэтому, каков бы ни был уклад жизни, каковы бы ни были представления о желательном уровне снабжения, переход к более скудным условиям существования всегда и для всех должен быть очень тягостен и нежелателен. Отсюда заключаем, что в случае, когда при данном, привычном уровне снабжения, происходит рост населения без соответствующего ему развития производительности народного хозяйства, то население не только по существу, но и по субъективному ощущению составляющих его людей будет переходить от лучшего состояния к худшему. Перенаселение в этом случае должно дать себя почувствовать широким слоям общества, что несомненно будет угрожать тягчайшими социальными последствиями. Этот момент следует признать чрезвычайно опасным для социальной и политической жизни.

Таким образом мы приходим к выводу, что состояние перенаселения должно наступать:

1) Когда достижимый при нормальной населенности и желательный для населения уровень снабжения в общем и целом выше того, который при данном состоянии народного хозяйства определяется соотношением численности населения и запаса природных благ. Этот случай наиболее общий и наиболее вероятный.

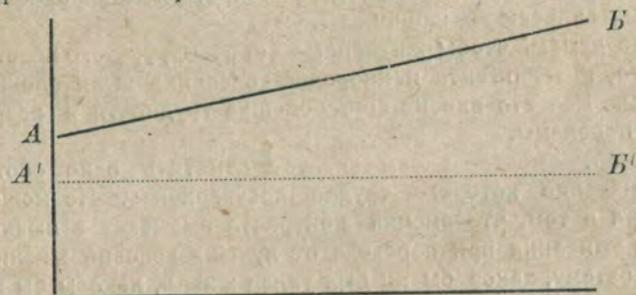
Графически он может быть представлен так:

где AB — достижимый при нормальной населенности и желательный уровень снабжения, а $A'B'$ — фактический уровень снабжения.

2. Когда происходит рост потребностей населения без соответствующего роста производительности народного хозяйства.

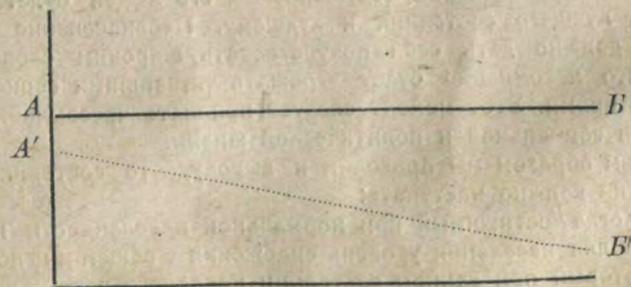
Графическое изображение этого случая:

(Значение символов то-же, что и в первом случае).

3. Когда при стационарном уровне потребностей происходит возрастание населения без соответствующего роста производительности народного хозяйства.

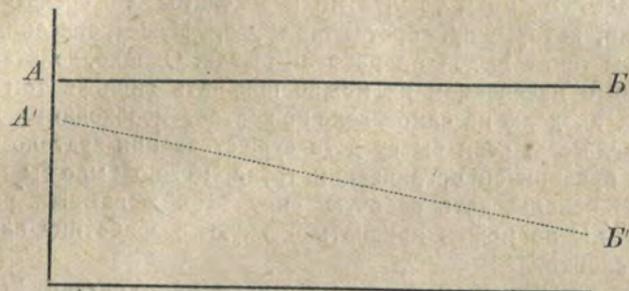
Графическое изображение этого случая:

Символы те-же. На долю каждого приходится убывающее количество благ.

4. Наконец, мыслим и часто имел в истории место еще четвертый случай, когда, при данном уровне потребностей, производительность народного хозяйства падала при условии роста населения, или стационарности его или, наконец, уменьшения его численности, но меньшем, чем падение производительности труда.

Графическое изображение такое-же, как и в 3-м случае:

Отсюда мы видим, что состояние перенаселения может наступать при весьма разнообразных условиях народной жизни.

Если мы теперь припомним сделанное мною (в первой главе) сопоставление геометрической прогрессии роста населения с предельным, допустимым для нашего сознания, ростом производительности мирового хозяйства; если мы будем, далее, исходить из допущения, что в истории человечества доминировало стихийное, несдерживаемое человеческой волей размножение населения, то для нас станет очевидно, что состояние перенаселения, в принятом мною смысле этого слова, не только должно было весьма часто иметь место, но, пожалуй, являлось обычным, нормальным состоянием человеческого общества. Не следует ли признать его основным, господствующим фактором истории человечества?

Посмотрим теперь, в каком отношении стоит мое определение понятия перенаселения к существующим в экономической литературе. Как уже было сказано раньше, я отрицаю самый смысл понятия абсолютного перенаселения и признаю лишь относительное. В этом отношении я расхожусь с большинством из цитированных мною писателей. Что касается понятия относительного перенаселения, то отмеченные в литературе его признаки частью недостаточно отчетливы, отчасти же охватываются моим определением и выявляют лишь частные случаи, отдельные стороны состояния перенаселения. Когда Лентнер пишет, что при соразмерной (нормальной) населенности страна в состоянии прокормить свое население при условии развития всех средств, находящихся в природе и человеческих силах, то здесь неясно, что он понимает под словом „прокормить“. Перед нами здесь понятие нормального снабжения; неустойчивость и эластичность

которого мною уже отмечена. Все упомянутые мною авторы признают, далее, признаком перенаселения затруднения на рынке труда; явление безработицы явной и скрытой они считают решающим симптомом. Я согласен, что безработица есть очень существенный признак перенаселения. В самом деле, ведь если люди предлагают свой труд, то это означает не только то, что они хотят работать, но и то, что им необходимы те средства существования, которые приобретаются трудом. Нужда, опасения голода и нищеты гонят людей на рабочий рынок. Однако, действительно избыточным населением их можно признать лишь в том случае, когда на их долю на самом деле не хватает необходимых жизненных благ. Ведь, если бы средств существования хватало на всех, то, при правильной организации труда, можно было бы производительно использовать рабочую силу всех желающих работать. Поэтому мы не можем признать всякую безработицу признаком перенаселения.

Вполне мыслимы и постоянно имеют место случаи, когда безработица происходит несмотря на наличие значительных запасов необходимых для жизни благ. Такие случаи не имеют никакого отношения к моему определению, а указывают лишь на недостатки того, которое слишком тесно связывает понятие перенаселения с состоянием рабочего рынка. Для меня несомненно однако, что при действительном недостатке средств существования, когда потребности населения не могут быть удовлетворены наличным их запасом, мы будем наблюдать явление безработицы, переполнение рабочего рынка предлагающими свой труд и реальную невозможность дать всем им заработок, достаточный для удовлетворения их потребностей. В этом случае безработица будет действительно проистекать от перенаселения; но отсюда не следует, что всякая безработица есть признак перенаселения; она может происходить от целого ряда иных причин: от плохой организации обмена, от недостатка сырья для снабжения промышленности, от кризиса сбыта, который, в свою очередь, представляет сложное экономическое явление, обусловливаемое весьма различными факторами, от технических улучшений, от трудностей быстро приспособить предложение различных видов труда к изменившемуся спросу на них и т. д.

Поэтому-то я и остерегаюсь признавать безработицу решающим признаком перенаселения. С другой стороны, по уже высказанным соображениям, я не могу признать нормальной населенность страны, в которой не хватает собственных ресурсов для снабжения необходимыми жизненными благами своего населения, что вынуждает последнее прибегать к их привозу из других стран. Поэтому перенаселение страны представляется мне вполне совместимым с удовлетворительным и даже обильным снабжением ее жителей основными хозяйственными благами, с благоприятным

состоянием рабочего рынка и высокими заработками. В этом отношении я примыкаю к проф. Haushofer'у, хотя и сознаю, что проблема разрешается не так просто и лишь подход к ней в мировом масштабе мог бы дать удовлетворительный ответ на вопрос, что следует считать нормальной населенностью отдельной страны.

Симптомы, выдвигаемые Ф. Нитти и Haushofer'ом, считающими признаком перенаселения повышение пульса хозяйственной жизни, ее нервность, обостренность конкурентной борьбы, заслуживают внимания. Борьба за жизнь должна действительно обостряться при несоответствии средств существования с численностью населения и для меня не существует двух мнений о глубочайшей причине повышенной нервности нашего века.

V. Признаки современного перенаселения.

Мое исследование закончено. Оно может вызвать чувство неудовлетворенности. В нем затронута грандиозная мировая проблема. В связи с моими выводами возникает так много больных и проклятых вопросов, которых я не касаюсь. Я был очень скуп на иллюстрацию выставленных мною положений. Все это я сознаю. И несмотря на это и именно в виду грандиозности проблемы я не считаю нужным удлинять этот очерк. В нем поставлен ряд вопросов; я пытаюсь дать новую постановку, новое освещение проблеме населенности; что же касается иллюстрации моих положений, то ею служит вся история человечества и для того, чтобы быть исчерпывающим, мне пришлось бы произвести всемирный исторический обзор. В дальнейших своих работах я намереваюсь до известной степени удовлетворить этому требованию. В настоящем же очерке я преследовал более скромную задачу — дать определение понятия перенаселения, которое по моему крайнему разумению до последнего времени не было достаточно ясно очерчено и обращало на себя незаслуженно мало внимания.

Однако, несмотря на прямые задачи своего исследования, я все же пришел к некоторым положениям, которые дают возможность сделать практические выводы.

В общем и целом мы можем исходить из того, что потребности общества, как бы ни были они скромны, остаются неудовлетворенными. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в статистику потребления. Бюджетными исследованиями повсюду установлено, что с возрастанием доходов растут и расходы на удовлетворение личных потребностей. Возьмем несколько примеров из новейшего исследования проф. С. А. Первушина.

Перед нами расходы на одного взрослого едока в относительных числах по данным германского бюджетного исследования 1909 г. ¹⁾

¹⁾ С. А. Первушин: «Очерки по теории массового потребления». Приложение к журналу «Экономист» № 4—5, 1922 г., стр. 67. Данные заимствованы автором из немецкого издания.

Группы.	Годовой бюджет семьи в марках.	Все расходы.	Пища.	Одежда.	Квартира.	Освещение и отопл.	Прочие расходы.
I	0—1200	100	100	100	100	100	100
II	1200—1600	114	116	114	102	100	130
III	1600—2000	140	133	167	127	111	182
IV	2000—2500	168	148	226	150	118	268
V	2500—3000	217	157	347	210	155	417
VI	3000—4000	257	177	384	254	162	555
VII	4000—5000	301	179	467	361	163	687

Из таблицы видно, что даже наименее эластичные расходы на пищу по мере возрастания доходности значительно увеличиваются; что касается расходов на одежду, квартиру и в особенности „прочих расходов“, очевидно, на удовлетворение высших культурных потребностей, то они вместе с ростом доходности непрерывно и быстро возрастают. Между тем, если бы потребности у менее обеспеченных групп населения были удовлетворены в достаточной степени, то возрастания расходов с ростом доходности не должно было бы наблюдаться и весь избыток доходов пошел бы на сбережения.

Приведем еще несколько сопоставлений:

Группы по заработку.	Всего расходов.	Пища.	Жилище.	Одежда.	Прочес.
I	100	100	100	100	100
II	156	125	129	235	341
III	198	152	156	244	615
IV	264	179	174	332	1094
V	304	207	246	399	1095
VI	346	235	282	405	1318
VII	394	283	284	496	1433
VIII	543	374	453	652	1945

Расходы на удовлетворение личных потребностей петербургских рабочих, согласно обследованию С. Н. Прокоповича, были следующие: 1) (см. табл. на 61 стр.).

И здесь мы наблюдали в связи с повышением доходности несравненно больший рост расходов на удовлетворение более эластичных потребностей в одежде и высших культурных благах сравнительно с расходами на пищу и квартиру.

Расходы на 1 едока в Вологодском уезде по различным группам населения колебались следующим образом 2):

Общ. расх. на 1 едока.	Всего на личн. потр.		На пищу.		На одежду.		На другие потребности.	
	Руб.	Относ. число.	Руб.	Относ. число.	Руб.	Относ. число.	Руб.	Относ. число.
До 50 . . .	40,3	100	30,9	100	4,35	100	5,0	100
От 50 до 70	59,1	147	41,8	135	9,2	210	8,1	162
„ 70 „ 90	79,6	199	53,2	172	13,2	303	13,2	262
Свыше 90 .	103,5	255	68,4	221	13,9	456	15,1	301

Число примеров можно было бы в значительной степени увеличить. Впрочем, есть ли в том необходимость?

Не говоря уже о неудовлетворенности более высоких и более эластичных потребностей, можно решительно утверждать, что наиболее элементарные потребности европейского населения в пище не были достаточно удовлетворены даже в период относительного изобилия, предшествовавший великой европейской войне. Крайне показательны в интересующем нас отношении свидетельства, приведенные в известной книге д-ра Каупа, констатирующего неудовлетворительное питание сельского населения в странах Западной Европы.

В Германии, Англии, Норвегии, Швейцарии сельское население, сбывая молочные продукты в города, лишает себя необходимого питания, заменяя молоко чаем, кофе и спиртными напитками, что приводит к ухудшению его физических качеств и в особенности влияет на здоровье детей и женщин 3). Кауп определяет национальный дефицит молока в Германии в 117 миллионов гектолитров при производстве в 211,5 миллионов гекто-

1) С. А. Первушин. *Op. cit.*, стр. 69.

2) С. А. Первушин. *Ibid.*, стр. 70.

3) Dr. J. Kaup: «Ernährung und Lebenskraft der ländlichen Bevölkerung». Berlin, 1910, стр. 526, 528, 536, 544.

литров. Однако Hermann Kranold находит, что заключение Каупа слишком оптимистично. Кауп, по его мнению, дает слишком высокую норму удойливости коров; он не учел, далее, возможный прирост населения 1). Что касается городского населения, то и здесь за примерами не приходится далеко идти.

B. Seeböhm-Rowntree, исследовавший жизнь рабочего класса в Йорке, типичном среднего размера городе Англии, пришел к выводу, что 20.302 человек, составлявших в 1899 году (год обследования) 43,4% его рабочего и 27,84% всего населения, жило в бедности, причем 13.072 лиц или 17.93% населения города в первичной бедности (the primary poverty), под которой автор подразумевает случай, когда доходов семьи недостаточно для поддержания физического существования, а остальные в состоянии вторичной бедности (the secondary poverty), при которой доходов хватает лишь на удовлетворение элементарных физических потребностей 2). И это в исключительно богатой промышленной и торговой Англии. Чего же можем мы ожидать от других менее богатых стран?

Один из современных французских исследователей, Gabriel Giroud, сделал попытку сопоставить мировое производство пищевых продуктов с действительными в них потребностями населения 3). Выводы его, относящиеся к урожайному 1887 году, заслуживают самого серьезного внимания. Согласно его расчетам чистый остаток главнейших пищевых продуктов для распределения среди европейского населения в 1887 г. должен был быть:

Печеного хлеба	56.825.000	тонн.
Маиса	24.000.000	„
Риса	18.000.000	„
Картофеля	66.480.000	„
Легуминов	10.197.000	„
Различного мяса	28.548.000	„
Масла и сыра	2.525.000	„

Всего европейского населения, участвовавшего в распределении этих продуктов, Giroud насчитал 745.855.000, или в переводе на взрослое мужское население 566.800.000 душ.

Произведя соответствующие вычисления, Giroud пришел к выводу, что в 1887 г. в среднем на суточное питание одного

1) Herm. Kranold: «Massenernährung, Agrarpolitik, Kolonisation», München, 1914 г., стр. 35, 36.

2) B. Seeböhm Rowntree: «Poverty. A study of town life». London, 1913, стр. 148, 150.

3) Gabriel Giroud: «Population et subsistances» Paris, 1904.

взрослого мужчины было произведено: хлеба—274 гр., маиса—115 гр., риса—87 гр., картофеля—321 гр., бобов—49 гр., масла и сыра—22 гр., мяса—137 гр.

Рацион этот он сопоставляет с нормами питания, установленными современной физиологией. Привожу его таблицу:

	Потреблялось.			Авторы.
	Белков.	Жиров.	Углевод.	
Французск. рабоч. насосники . . .	159	85	798	A. Gautier.
Сельско-хоз. раб. юга Франции . .	157	86	739,7	id.
Железнодорож. раб. .	179	84	707	De Gasparin.
Рабочие из департ. Норд	157	119,9	1.020	id.
Сельско-хоз. раб. .	168	87,7	765,7	id.
Английские кузнецы	176	71	666	Playfair.
Франц. солдаты во время войны . .	182	40	651	Узаконение.
Франц. моряки во время маневр. .	152	40,7	591	"
Немецк. дровосеки	135	108	876	J. Liebig.
Фермерская присл. в Германии . . .	143	108	788	Ranke.
Военные рабочие .	160	66	580	Smith et Playfair.
Английск. рабочие	184	71	570	id.
Боевой паек германских солдат .	183	33,7	624	Узаконение.
Паек англ. армии во время похода	154	31	456,8	"
Паек амер. армии в походе	196,7	36,7	553	"
Среднее	167	71	692	

Проф. Armand Gautier, член Медицинского Института и Академии в Париже, у которого автор заимствует эту таблицу, добавляет, что для рабочих Франции, занятых трудом от 8 до 10 час.,

ежедневный рацион должен содержать по крайней мере 135 гр. белков, 85—100 гр. жиров и 500—900 гр. углеводов.

Между тем средний рацион на одного взрослого мужчину, исчисленный Giroud по данным о производстве пищевых веществ в 1887 г., содержит:

ПРОДУКТЫ.	Вес в граммах.	Белков.	Жиров.	Углеводов.
Хлеб	274	19,4	2,3	143,9
Маис	115	10,9	6,3	73,6
Рис	87	5	2	70,9
Мясо	137	27,4	15	0,7
Бобовины	49	11,5	0,9	23
Картофель	321	4,8	2,9	61
Сыр	13	3,4	4	2
Масло	9	0,2	7,5	—
Всего	—	82,6	40,9	275,1

К этому следует добавить небольшую порцию свежих овощей, фруктов, молока и некоторые иные продовольственные продукты, которые, будучи богаты водой, присоединяют бесконечно мало к ежедневной порции белков.

Giroud полагает, что это в общем для одного взрослого мужчины вряд ли даст больше 90 гр. белковых веществ. „Мы имеем здесь почти голодный рацион, приводящий к истощению, предельный рацион для удовлетворения потребностей человека в состоянии покоя“.

Из этих сопоставлений автор заключает, что в общем недостает приблизительно третьей части белков для нормального питания людей. Земля доставляет пищу для достаточного питания лишь двух третей своего населения. Человечество располагает лишь двумя пайками на троих. Борьба за существование поэтому не пустое слово, но большая и горькая истина!).

!) G. Giroud l. c. стр. 39—49.

Расчеты G. Giroud относятся к моменту, довольно отдаленному от современности. Я не задаюсь сейчас целью проверять его выводы применительно к настоящему времени. Великая европейская война привела к ненормальному состоянию мирового хозяйства и скудное снабжение в наше время может быть приписано ее последствиям. Однако данные, которыми мы располагаем относительно довоенного периода, ни в коем случае не противоречат заключениям французского исследователя.

Вот несколько сопоставлений из известной книги В. Крукса, взятых из третьего ее издания¹⁾.

Согласно лучшим авторитетам, мировая продукция пшеницы в 1897—98 сел.-хоз. году выразилась в 1.921.000.000 бушелей. Потребности же всего населения, потребляющего пшеницу, которого Крукс насчитывает 516.500.000 едоков, должны были выразиться на посев и питание в 2.324.000.000 бушелей. Таким образом мы имеем для этого года дефицит в 403.000.000 бушелей пшеницы.

Для десятилетия 1901—1910 г.г. профессор Diekson в своей президентской речи в British Association for the Advancement of Science в 1913 г. привел следующие сопоставления. Он полагает, что земля в состоянии была бы снабжать постоянно 1.000 миллионов едоков пшеницы, если бы средний урожай повысился до 20 бушелей с акра.

Средний сбор пшеницы должен был бы в этом случае быть 6.000 миллионов бушелей²⁾.

В действительности же мировой урожай пшеницы в среднем за десятилетие 1901—10 г.г. оказался равным 3.233 миллионам бушелей. Следовательно его при тех же нормах снабжения хватало лишь на 538.800.000 едоков. Между тем к этому времени населения, потребляющего пшеницу, должно было быть значительно больше. К этому заключению нас приводит следующий расчет. По Круксу в 1877—81 г.г. численность населения, потребляющего пшеницу, была 407,0 миллионов, а в 1897—98 г. 516,5 миллионов; это составляет прирост населения в 109,5 миллионов за двадцатилетний промежуток времени или приблизительно 26%. Если мы будем исходить из такого-же прироста в последующее десятилетие, то к 1908 г. численность едоков пшеницы должна была возрасти до 583 миллионов с лишком; между тем мы уже знаем, что действительного урожая пшеницы в десятилетие 1901—910 г.г. в среднем хватало лишь на 538.800.000 едоков.

¹⁾ William Crookes: «The Wheat problem». London, 1917, стр. 8, 9, 46, 58.

²⁾ Действительно, годовое потребление пшеницы в среднем на одного едока в Соединенном Королевстве выразилось в 5,9 в десятилетие 1891—1900 г.г. и в 6,0 бушелей в десятилетие 1901—1910 г.г., во Франции же за те же промежутки времени даже в 8,1 и 7,8 бушелей.

Однако, довольно аргументов. В сущности мое утверждение, что потребности населения ни в коем случае нельзя считать удовлетворенными,—истина, на которой не стоит дольше останавливаться.

В наших рассуждениях о желательном направлении народного хозяйства мы можем, поэтому, смело исходить из уверенности, что развитие производительности хозяйственного труда и возрастание количества продуктов, приходящихся на душу населения, представляет основную задачу современного хозяйства. Лишь этим путем можно достигнуть более совершенного удовлетворения потребностей общества, которое скудно снабжается даже основными хозяйственными благами, и не только объективно, по сравнению с уровнем снабжения привилегированных классов, но и субъективно, так как по всем признакам широкие слои населения стремятся к лучшим условиям существования, чем те, в которых находятся.

Итак, желательный уровень снабжения выше фактического, определяемого всем состоянием современного народного хозяйства, несмотря на небывалый прогресс техники и колоссальное развитие производительности труда.

Однако, быть может для повышения уровня снабжения достаточно одних технических усовершенствований? Быть может развитие производительности труда и повышение уровня благосостояния возможны и при современном соотношении численности населения с запасами природных благ, и даже при дальнейшем росте населения?

Быть может... Мы любим мечтать; воображение рисует нам яркие картины. Однако, насколько обоснованы они? Оглянемся вокруг себя. Сравним благосостояние молодых редко населенных колониальных стран с экономическими затруднениями густо заселенных старожилых стран европейской культуры. Нет-ли зависимости между обилием природных благ, приходящихся на душу населения и каждого трудящегося, и материальным благосостоянием первых? Не признать ли попросту старожилые европейские страны перенаселенными, так как достижимый при нормальной населенности и желательный для их населения уровень снабжения выше того, который в настоящее время предопределяется соотношением его численности с имеющимися в них запасами природных благ?

Прямых и косвенных признаков современного перенаселения чрезвычайно много, они повсюду бросаются нам в глаза; мы наталкиваемся на них на каждом шагу нашей повседневной жизни. Современная экономическая литература сознательно и бессознательно отражает кошмар перенаселения, забрасывая нас все новыми аргументами, все новыми свидетельствами тяжелого недуга, которым страдает человечество.

Настроение современной западно-европейской литературы вообще мрачное. Все чувствуют, что оптимизму, столь характерному для 19-го века, настал конец, что период легкомысленных юношеских мечтаний о неограниченных возможностях прошел; что пора понять угрозу культуре, серьезную, страшную угрозу, которой чревато это юношеское легкомыслие; что человечество возмужало, созрело, вступило в период совершеннолетия, когда холодный расчет и спокойная выдержка должны прийти на смену мечтаньям и страстным порывам молодости.

Послушаем, что пишет на первых же страницах своего нового труда один из самых известных и популярных экономистов нашего времени, англичанин Дж. Н. Кейнс. В капиталистической Европе земля колеблется под ногами и нет никого, кто бы не чувствовал ее отдаленного гула... Дело идет о жизни и смерти, о голоде и существовании, о судорожных потрясениях гибнущей цивилизации... Ощущение надвигающейся катастрофы, нависшее над сценой фривольной жизни и ничтожество человека перед лицом близких и великих событий... До XVIII века человечеству были незнакомы какие-либо иллюзии относительно будущего. Они возникли и распространились в самом конце этого века и, чтобы охладить их, Мальтус указал, что за ними скрывается злой дух. В течение полувека все серьезные экономисты ясно видели этого злого духа; но в следующие полстолетия его посадили на цепь и скрыли от взоров общества. Теперь мы, кажется, снова выпустили его на свободу...

До 1870 г. различные части небольшого континента Европы уже специализировались в избранных ими отраслях производства; однако, взятая в целом, Европа могла самостоятельно удовлетворять свои главнейшие потребности. При этом ее население соответствовало такому порядку жизни. После 1870 г., путем постепенного развития, в Европе создалось в широком масштабе такое положение, подобное которому не знает история... Приблизительно до 1900 г. единица труда, примененная в промышленности, год за годом доставляла покупательную силу, превосходящую все растущее количество пищевых продуктов. Возможно, что около 1900 года начался обратный процесс и тогда стало обнаруживаться, что природа уже меньше вознаграждает человеческий труд...

Когда девственная почва Америки была впервые взята под обработку, количество ее населения и его внутреннее потребление сравнительно с потребностями Европы были весьма незначительны. Еще в 1890 г. население Европы втрое превышало население обоих Америк вместе. Но уже в 1914 г. внутреннее потребление пшеницы в Соединенных Штатах почти равнялось ее производству и скоро должно было прийти время, когда излишек для вывоза мог получиться только в годы чрезвычайных

урожаев. В самом деле, внутреннее потребление пшеницы в Соединенных Штатах определяется в 90% того ее количества, которое в среднем было получено в пятилетний промежуток между 1909 и 1913 годами. Только с 1914 г. население Соедин. Штатов возросло на 7—8 миллионов. Так как ежегодное потребление пшеницы равняется не менее 6 бушелей на человека, то, согласно доведенному масштабу производства, в Соед. Штатах значительный излишек производства сравнительно с внутренним потреблением будет получаться только один раз в 5 лет. В конце войны мы были спасены обильными урожаями 1918 и 1919 годов, которые были доставлены нам благодаря твердым ценам, установленным Гувером. Однако, едва ли можно ожидать, что Соед. Штаты согласятся на бесконечное вздорожание жизни у себя дома ради того, чтобы снабдить пшеницей Европу, которая не может платить за нее¹⁾.

Вот призраки, преследующие даровитого английского экономиста. В сжатых, лишенных углубленной аргументации, выражениях высказывает он то, что, вероятно, все в большей степени входит в сознание европейского общества.

Экономическое развитие последних десятилетий—лишь краткий эпизод на сумрачном фоне человеческой истории. И подлинно ли этот внешний блеск цивилизации, эта роскошь культурной жизни привилегированных классов соответствовали условиям существования широких масс населения? Мы уже имели перед собой не одно свидетельство полного несоответствия снабжения основными хозяйственными благами с действительными нуждами населения даже в обильный век торжествующего капитализма. Как бы то ни было,—нельзя не признать, что иллюзиям последних десятилетий пришел конец. Мечты о неограниченных возможностях, открывающихся перед человечеством, должны быть оставлены. Их порождало представление о неисчерпаемых запасах природных благ, тесно связанное с земельным простором заокеанских стран европейской колонизации.

Сама Европа не могла себя прокормить даже по той скудной норме, которая определяет бедственное положение большинства населения. Она вынуждена была ввозить из менее обжитых стран все большие количества продовольствия для питания людей, все более сырья для питания своей индустрии.

В начале XX-го столетия, по подсчетам проф. А. И. Воейкова, население Европы платило за привозное продовольствие ежегодно следующие суммы²⁾:

¹⁾ Дж. М. Кейнс: «Экономические последствия Версальского мирного договора». Русск. перев. Госуд. Издат. Москва, 1922 г., стр. 16, 18, 19, 25.

²⁾ См. А. И. Воейков: «Распределение населения земли в зависимости от природных условий и деятельности человека». СПб. 1906, стр. 29.

ГОСУДАРСТВА.	Перевес ввоза над вывозом (—) и вывоза над ввозом (+) главных питательных продуктов в рублях на жителя.				
	Зерновой хлеб и мука.	Мясные продукты.	Масло и сыр.	Яйца.	Рыба.
Великобритания	— 15,5	— 11,1	— 6,1	— 15	—
Бельгия	— 17,6	— 2,4	— 1,4	—	—
Нидерланды	— 28,9	—	+ 16,7	—	—
Германия	— 4,0	— 1,0	—	—	—
Франция	— 1,4	—	—	—	—
Швейцария	— 18,0	— 9,9	+ 4,7	— 1,5	—
Дания	— 13,4	+ 25,2	+ 30,2	+ 5,7	+ 1,3
Норвегия	— 13,2	—	—	—	—
Швеция	— 5,0	—	+ 3,7	—	+ 1,4
Португалия	— 3,0	—	—	—	— 1,1
Испания	—	—	—	+ 1,2	—
Италия	— 2,1	—	—	—	—
Греция	— 5,7	—	—	—	—

Для года, непосредственно предшествовавшего великой Европейской войне, соотношение между избытком привоза над вывозом главных пищевых продуктов хлеба и их потреблением в Западно-Европейских странах оказалось следующим ¹⁾. (См. таблицу на стр. 71).

Все это, конечно, лишь неполная и несовершенная иллюстрация происходящих грандиозных процессов, все в большей степени усиливающих экономическую зависимость Европы от других континентов.

Ни технический прогресс, ни блестящие успехи европейского земледелия, ознаменовавшие последнее столетие, ни утверждения авторитетов, что закон убывающего плодородия не более, как мираж, не имеющий реального содержания, оказались не в силах предотвратить роковой эволюции. Рост средств существования,

¹⁾ Таблица составлена мною по данным «Мирового сельского хозяйства» Сборника стат.-экон. сведений за 1913—20 г. Изд. Наркомзема. Москва 1922 г. Пшеничная мука переведена в зерно по расчету: на 100 весовых частей зерна 75—муки.

Ср. В. Микини «Руководство по хлебопекарному и дрожжевому производству и товароведению хлебного зерна и муки». Петербург, 1912 г., стр. 95 сл.

ГОСУДАРСТВА.	Пшеницы, пшеничной муки, ржи, ячменя, овса и кукурузы в тыс. quintalov.		Процентное отношение переважающего привоза к потреблению.
	Превышение привоза над вывозом в 1913 г.	Потреблен. в зерне и муке, перев. в зерно, ежегодно за 1909—1914 г.г.	
Великобритания и Ирландия	106.078	155.269	0,68
Германия	51.902	304.333	0,17
Франция	28.488	174.678	0,16
Италия	21.607	96.223	0,22
Австро-Венгрия	4.896	209.777	0,02
Бельгия	19.653	39.447	0,49
Нидерланды	19.438	26.275	0,73
Дания	8.516	18.972	0,44
Швеция	2.669	24.498	0,10
Норвегия	4.207	7.533	0,55
Швейцария	8.698	9.844	0,88

как и следовало ожидать, не поспевал за увеличением числа „едоков“; и блестящий век технического прогресса закончился при тревожных предзнаменованиях.

Насколько обоснованы были надежды, возлагавшиеся на молодые страны европейской колонизации?

В настоящем очерке я не задаюсь целью дать исчерпывающую картину участия колониальных стран в мировом снабжении. Это завело бы нас слишком далеко. Тема эта настолько обширна, что могла бы послужить предметом большого числа специальных исследований. Поэтому ограничусь лишь одним предметом, имеющим первостепенное значение в потреблении населения и международной торговле. Посмотрим, как обстоит в колониальных странах дело с производством пшеницы и каковы виды на участие их в мировом снабжении этим основным предметом питания в будущем.

Начнем с Соединенных Штатов Северной Америки—страны наиболее ранней и наиболее продвинутой колонизации. Массовый экспорт продовольственных продуктов из Соединенных Штатов начался сравнительно недавно. До пятидесятых годов

19-го века он был ничтожен, да и после этого вплоть до семидесятых годов развивался сравнительно медленно.

Экспорт пшеницы из Соед. Штатов С. А. возрастал следующим образом (в тысячах гектолитров—в среднем ежегодно)¹⁾.

Годы:	
1831—1840	87
1841—1850	462
1851—1860	1.948
1861—1870	7.759
1871—1880	27.625
1881—1890	25.313
1891—1900	36.091
1901—1905	31.705

Пока колонизация продвигалась через лесные территории штатов Охайо, Кентукки, Мичиган, Индиана, больших избытков хлеба в Соед. Штатах не было. Лишь когда колонисты двинулись массой в прерии Иллинойса и штатов к западу и северо-западу от него, где распахивание земель могло происходить быстро и без значительных издержек, хлебная продукция великой американской республики стала развиваться с головокружительной быстротой. Это произошло уже в шестидесятых годах прошлого века.

Однако нетрудно показать, что возросла она главным образом за счет увеличения культурной площади.

Посевная площадь и сбор важнейших хлебов в Соединенных Штатах были следующие (в среднем ежегодно)²⁾:

ГОДЫ.	Кукуруза.		Пшеница.		Овес.	
	Посевн. площ. тыс. акр.	Сбор тыс. бушел.	Посевн. площ. тыс. акр.	Сбор тыс. бушел.	Посевн. площ. тыс. акр.	Сбор тыс. бушел.
1866—75	32.715	969.747	20.470	244.672	9.746	272.993
1876—85	60.743	1.537.415	34.144	419.941	16.797	461.157
1886—90	74.810	1.742.451	37.199	443.847	26.094	652.125
1895	82.076	2.151.139	34.047	467.103	27.878	824.444
1900	83.321	2.105.103	42.495	522.230	27.364	809.126
1905	94.011	2.707.993	47.854	692.679	28.047	953.216
1910	104.035	2.886.260	45.681	635.121	37.548	1.186.341
1912	107.083	3.124.746	45.814	730.267	37.917	1.418.337

¹⁾ J. Jurascheck: «Statistik des Getreidehandels» в Handwörterb. der Staatswissenschaften IV Bd. 1909 г., стр. 787.

²⁾ Таблица заимствована из книги Н. А. Бородина: «Северо-Американские Штаты и Россия». Петроград, 1915 г., стр. 114.

Этому развитию продукции соответствовало следующее движение урожайности главнейших хлебов (в бушелях с акра)¹⁾.

ГОДЫ.	Х л е б а .					
	Кукуруза.	Пшеница.	Овес.	Рожь.	Ячмень.	Гречиха.
1866—75	26,1	11,9	28,1	13,6	22,9	18,3
1876—85	25,5	12,3	27,6	13,3	22,4	14,6
1886—90	23,3	11,9	25,0	11,8	21,8	13,4
1895	26,2	13,7	29,6	14,4	26,4	20,1
1900	25,3	12,3	29,6	15,1	20,4	15,0
1905	28,8	14,5	34,0	16,5	26,8	19,2
1910	27,7	13,9	31,6	16,0	22,5	20,5
1912	29,2	15,9	37,4	16,8	29,7	22,9

Об урожайности главнейших хлебов в С.-А. Соединенных Штатах за последнее время мы можем судить по следующим данным сборника Комиссариата Земледелия:

Урожай хлебов в С.-А. Соед. Штатах в квинталах на гектар²⁾.

ГОДЫ.	Кукуруза.	Пшеница.	Рожь.
1913	14,5	10,2	10,2
1914	16,2	11,2	10,6
1915	17,7	11,4	10,8
1916	15,3	8,2	9,5
1917	16,5	9,5	9,2
1918	15,1	10,4	9,0
1919	17,9	8,7	7,9
1920	19,4	9,3	8,3

¹⁾ Ibid. стр. 119.

²⁾ «Мировое сельское хозяйство». М. 1922 г., стр. 98.

Отсюда мы видим, что рост урожайности в Соединенных Штатах был очень незначителен и начался в сущности лишь с начала XX столетия. До последнего времени хищнические приемы сельского хозяйства доминировали в великой американской республике. В известной книге пропагандиста культурных приемов земледелия, А. Гарвуда, мы находим следующую характеристику американских способов хозяйствования и их результатов ¹⁾.

„Когда, как это наблюдается в Западных Штатах, например в Айове, из года в год сеют пшеницу, она, вечно голодная по части азота, жадно выбирает его из почвы, а в результате исчезает и органическое вещество перегноя, связывающее частицы почвы... Десятки тысяч акров земли в этом и других центральных штатах Запада, когда-то славившиеся своими урожаями пшеницы, перестали их давать и, постепенно ухудшаясь, наконец стали совершенно непригодными к культуре“. В дальнейшем Гарвуд отмечает, что за целый ряд лет в производящих пшеницу округах Америки урожаи неизменно падали, а там, где не падали, постоянно колебались. „По мере того, как цивилизация продвигалась на Запад, производство пшеницы переставало быть главным фактором в жизни фермы, так что теперь едва ли не одни только обширные пространства Западной Канады считаются последним источником для снабжения пшеницей континента. Но и здесь на девственной почве начинают падать прежние чудовищные урожаи“ ²⁾.

В. Крукс приводит еще более яркое свидетельство падения земледельческой культуры в Западных Штатах С. А. „Несмотря на огромное увеличение числа желающих быть фермерами, вся западная окраина прерии стала терять население с соответствующим забрасыванием культуры... Двухгодичные отчеты Канзасского департамента земледелия и иные официальные публикации свидетельствуют, что в 47 округах западной трети штата 45% населения и притом исключительно земледельческого было потеряно в период 1888—98 г.г. В некоторых округах потеря людей была столь велика, что едва хватало их для занятия казенных должностей ³⁾. Причиной были засухи и истощение почвы хищническими приемами земледелия.

Таким образом развитие хлебной продукции в С.-А. Соединенных Штатах находилось до сих пор в теснейшей зависимости от новых распахиваний. Вместе с тем мы имеем все основания полагать, что дешевизна американского хлеба происходила именно от применения хищнических приемов земледелия, практиковав-

¹⁾ А. Гарвуд. «Обновленная земля» в изложении проф. К. А. Тимирязева. Гос. Издат. М. 1919 г., стр. 20.

²⁾ А. Гарвуд, I. с., стр. 36.

³⁾ W. Crookes. «The Wheat problem». 1917, стр. 43.

шихся до последнего времени американскими зерновыми фермами. Возникает вопрос, как повлияет на стоимость производства переход к иным, более интенсивным системам хозяйства?

Новые распахивания не могут беспредельно продолжаться. А между тем сильный прирост населения Соединенных Штатов требует все возрастающих количеств пищи.

Цензами было насчитано в Соед. Штатах:

В 1800 году	5,318,483 жител.
„ 1860 „	31.443,321 „
„ 1890 „	62.947,714 „
„ 1900 „	75.994,575 „
„ 1910 „	91.972,266 „

В 1912 году численность населения в них уже перевалила за сто миллионов, и составляла 105.293.970 жителей ¹⁾.

Из сопоставления роста населения в Соед. Штатах с развитием в них хлебной продукции мы можем заключить, что последняя не поспевает за увеличением числа едоков. За период утроения населения Соед. Штатов, с 1860 г. по 1910 г., производство пшеницы едва увеличилось в 2,5 раза. Американские исследователи уже заметили это несоответствие и бьют тревогу.

Далингер вычислил, что с 1880 г. по 1910 г. население возросло на 65,6%, а сбор кукурузы лишь на 46%, и сбор пшеницы—на 36% ²⁾. Приблизительно к такому же выводу приходит Хилл, сопоставляющий данные о сборе пшеницы за 1880—84 г.г. и 1904—08 г.г. Увеличение сбора при этом выразилось в 41%, между тем, как за тот-же промежуток времени население возросло на 74% ³⁾.

Расчеты на возрастание сельско-хозяйственной площади мало обоснованы. Один из современных оптимистов, проф. И. М. Гольдштейн, приводит ряд аргументов успокоительного, по его мнению, свойства. Вся площадь свободных земель исчислялась в С.-А. Соед. Штатах в 1911 году в 327 миллионов акров; из них 317,8 милл. акров—в западных штатах с засушливым климатом (!). Докладчики XIX ирригационного конгресса в С. Шт. в 1911 г. подсчитали, что в С. Штатах в то время имелось 75 милл. акров пустующих земель, которые, будучи орошены, могли бы прокор-

¹⁾ Бородин, I. с. стр. 36.

²⁾ Dahlinger: «The new agrarianism» N. Y. 1913, стр. 112.

³⁾ James J. Hill: «Highways of progress» N. Y. 1910; цитирую по Бородину, I. с. стр. 115.

мить 75 миллионов населения. Кроме того в старых восточных штатах имелось по данным докладчиков конгресса около 80 милл. акров заболоченных земель, ожидающих осушения. Проф. Гольдштейн принимает, что если вновь отвоеванная у природы площадь в 150 милл. акров будет распределена между культурами так-же, как и теперь, то это увеличит площадь под пшеницей на 25 милл. акров. При урожае около 15 бушелей с акра, соответствующем современному, это может дать увеличение урожая на 375 милл. бушелей, т. е. количество, достаточное для прокормления 60—70 миллионов населения. Заключение это поддерживает оптимистическое настроение автора ¹⁾. Однако, как это и обычно делается, он не считается с динамическими факторами.

Мы уже видели, что указанное Гольдштейном увеличение культурной площади может быть достигнуто при условии мелиоративных работ—орошения и осушения. Но, во-первых, это может тяжело лечь на издержки производства. Во-вторых, возникает вопрос, с какой быстротой могут быть произведены эти работы?

Орошенная площадь в С. Штатах увеличилась с 1889 г. по 1909 г. с 3.565 тысяч акров до 13.202 тысяч акров, т. е. в двадцатилетие на площадь около 10 миллионов акров ²⁾. Всего же подлежит мелиорации, как мы видели, 150 миллионов акров. Следовательно, если работы будут идти тем же темпом дальше, вся эта площадь будет приспособлена к культуре через 300 лет.

Между тем население Соединенных Штатов продолжает расти. Уже в 1912 году оно превысило 100 миллионов. При удвоении его в 25 лет, как это в общем наблюдалось до сих пор, оно уже через этот краткий промежуток времени возрастет еще на 100 с лишком миллионов, т. е. на число едоков, значительно превышающее те 60—70 миллионов людей, которых по расчетам Гольдштейна может прокормить еще неиспользованная для земледельческой культуры площадь великой американской республики.

Однако, мы уже видели, что при темпе мелиораций, имевших место до последнего времени, придется еще 300 лет ждать превращения этой площади в культурное состояние.

Этих сопоставлений достаточно, чтобы картина участия Соединенных Штатов в мировом снабжении продовольствием в ближайшем будущем стала достаточно ясна.

Нельзя не считаться с тем, что и ныне экспорт оттуда продовольственных продуктов составляет лишь весьма незначительную часть их внутреннего потребления ³⁾.

¹⁾ Н. М. Гольдштейн: «Панамский канал, падение хлебных цен, война и наши торговые договоры». Москва, 1915 г., стр. 27, 41.

²⁾ Гольдштейн, *ibid.*

³⁾ Таблица составлена мной по сборнику «Мировое сельское хозяйство», изд. Комиссариата Земледелия, 1922 г. Мука переведена в зерно.

В Соединенных Штатах Северной Америки.

ГОДЫ.	Превыш. вывоза над ввозом пшеницы, пшеничн. муки, ржи, ячм., овса и кукурузы в тыс. квинтал.	ГОДА.	Потр. в зерне и муке, перев. в зерно, пшеницы, ржи, ячм., овса и кукурузы в тыс. квинталов.	Прев. вывоза над ввозом в % потребл.
1913 . . .	53.677	1909—14 .	985.296	0,05
1914 . . .	71.521			0,07
1915 . . .	108.072			0,11
1916 . . .	92.854	1916—17 .	961.665	0,09
1917 . . .	69.656			0,07
1918 . . .	83.152			0,07
1919 . . .	93.974	1917—18 .	1.099.871	0,08
1920 . . .	92.636			0,08

Таким образом даже в годы войны, годы исключительного напряжения привоза в Европу заокеанского хлеба, экспорт зерновых продуктов из Соединенных Штатов С. А. составлял в общем меньше и значительно меньше одной десятой части его внутреннего потребления. Незначительного возрастания потребностей растущего населения заокеанской республики будет достаточно, чтобы не только прекратить вывоз оттуда продовольственных продуктов, но даже превратить ее в страну-потребительницу привозного продовольствия.

Симптомы этого процесса налицо. Накануне грозных европейских событий, в 1913 году, Вильсоном был проведен новый таможенный тариф, имевший целью привлечь в Соединенные Штаты иностранное сырье и жизненные продукты, чтобы обеспечить прогрессирующий рост потребления и нужды развивающейся индустрии. Эта основная черта нового тарифа имела причиной острую дороговизну, обнаружившуюся в последние годы, и необходимость удешевить жизнь широких слоев населения, а также недостаток собственного сырья для питания промышленности. Пошлины на импортируемые в Соед. Штаты продовольственные продукты были значительно понижены, после чего начался значительный привоз туда мяса из Канады и Австралии и ожидается, что ввоз этот разовьется до весьма значительных размеров; резко поднялся также импорт в Соединенные Штаты

Канадской пшеницы, несмотря на то, что пошлина на нее не отменена, а лишь понижена с 25 до 10 центов ¹⁾.

Все это—грозные симптомы, говорящие о великом переломе и отражающие переход огромной колониальной страны, еще недавно житницы Европы, на положение промышленного государства, поддерживающего существование своего населения борьбой за иностранные источники сырья и продовольствия и конкурирующего с другими промышленными странами из-за рынков сбыта продуктов индустрии. Предсказания В. Крукса начинают сбываться. Еще в конце 19-го века он писал: „Почти наверное можно утверждать, что пройдет еще поколение и все возрастающее население Соединенных Штатов будет съесть всю пшеницу, которая будет родиться в пределах Штатов, и должно будет прибегнуть к ввозу и подобно нам (англичанам) будет стараться львиную часть пшеницы всего мира отвоевать для себя“ ²⁾.

Соединенные Штаты могут, конечно, еще долгие годы экспортировать значительные количества продовольствия за счет ухудшения питания собственного населения. Ведь вывозила же пищевые продукты голодная Россия! И быть может оптимисты будут подчеркивать это в доказательство того, что действительность не оправдала мрачных предсказаний. Однако непригодность их аргумента бросается в глаза. Никогда не следует забывать, что уже теперь лишь около трети населения Соединенных Штатов занимается сельским хозяйством. Американские фермеры и разные торговые компании могут еще долго находить для себя выгодным сбывать большие количества продовольствия в голодную Европу, совершенно не считаясь с обострением продовольственного кризиса внутри своей страны, за счет недоедания большей части из остальных двух третей населения Соединенных Штатов.

Итак, великую заатлантическую республику приходится вычеркнуть из списка стран, которые поддерживали оптимизм 19-го века.

Выступление их за последнее время опасным конкурентом для европейских промышленных государств на международном рынке индустриальных продуктов и империалистический уклон современной их политики являются крайне показательным симптомом наступающего в них кризиса населенности; потребности населения Соединенных Штатов уже не могут быть удовлетворены ресурсами их территории; ему становится тесно, несмотря на плотность в 13,8 человек на 1 квадратн. километр ³⁾. Призрак перенаселения уже повис над великой американской республикой. Биение пульса ее жизни становится все более нервным,

¹⁾ Вородин, I. с. стр. 256, «Торгово-Промышленная Газета», 1913 г., № 240.

²⁾ В. Крукс: «Хлебный вопрос», русск. перев. 1909 г., стр. 17.

³⁾ Данное для 1920 г. взято из «Мирового сельского хозяйства», стр. 40.

тревожным. Жизнь дорожает. Борьба за существование становится все более ожесточенной...

Но быть может другие, более юные страны европейской колонизации с их редким населением и еще неиспользованными природными богатствами в состоянии рассеять мрачные призраки? Аргентина, Канада, Австралия! Наши взоры с тревогой и надеждой устремляются в их сторону.

* В Аргентине при численности населения в 1919 г. в 8,5 миллионов ¹⁾ и площади страны в 2,99 миллионов квадратных километров насчитывалось годной для культуры пшеницы земли (если считать лишь земли, на которых возможно возделывание пшеницы без искусственного орошения) по подсчетам Бекера—около 49 миллионов гектаров, по данным Кергера—60 миллионов, по подсчетам Фика—около 96 мил. гектаров ²⁾. По данным Аргентинского ежегодника за 1910 г. в Аргентине имелось около 83,7 мил. гектаров принадлежащих государству земель, которые могли бы быть немедленно проданы или сданы в аренду. По подсчетам официальной аргентинской статистики площадь под культурой пшеницы могла бы быть при этом в короткий срок доведена до 16 мил. гектаров. Кергер в 1901 г. подсчитал, что пригодная для культуры пшеницы, но еще не использованная под посевы площадь была к этому сроку равна в Аргентине круглым счетом 46 миллионам гектаров. Количество пшеницы, которую можно получать с этой площади в среднем ежегодно, он оценивает в 55,2 миллионов тонн ³⁾.

Вот каковы перспективы Аргентины в отношении культуры зернового хлеба, составляющего основную пищу европейского населения. Через сколько времени остающиеся еще свободными аргентинские земли могут быть распаханы, а урожай с них доведен до вычисленной Кергером величины?

В 1890—91 г. площадь под пшеницей в Аргентине составляла 1.202.208 гектаров, в 1900—1901 г.—3.379.749 гектаров, в 1909—10 г.—5.836.550 гектаров ⁴⁾, в 1920 г.—5.996.600 гектаров ⁵⁾. Прирост ее в первое из отмеченных десятилетий, следовательно, был равен 2.177.541 гектарам, в десятилетие с 1900—01 г. по 1909—10 г.—2.456.801 гект., в следующее десятилетие, кончающееся 1902 г., всего лишь 160.050 гект.

Между тем из приведенных данных можно заключить, что площадь под посевами пшеницы может быть увеличена еще на

¹⁾ См. «Сборник статист. свед. о соврем. экономич. положении важнейших иностранных государств». Отд. Инстр. Стат. Ц. С. У. Москва, 1922 г.

²⁾ См. Гольдштейн «Панамский канал», стр. 57.

³⁾ Взято у Rich. van der Borgh: «Das Wirtschaftsleben Südamerikas» Göthen, 1919, s. 28.

⁴⁾ «Statistique Agricole 1910—11» Buenos-Ayres, 1911. Оффич. изд. стр. 39.

⁵⁾ Указ. сборник отдела иностранной статистики Ц. С. У., стр. 12.

10 приблизительно миллионов гектаров. Я исхожу из утверждения аргентинского ежегодника, согласно которому площадь под пшеницей „в короткий срок“ может быть доведена до 16 мил. гект., между тем как в 1920 г. ею было засеяно уже 5.996.600 гект. Не думаю, что посевы пшеницы в Аргентине могли бы вообще значительно превзойти площадь в 16 мил. гект. В этом меня убеждает аналогия с С.-А. Соединенными Штатами. В Соединенных Штатах пшеницей засеивалось в последнее время около $\frac{1}{6}$ сельско-хозяйственной культурной площади ¹⁾.

Между тем 16 миллионов гектаров составляют в Аргентине меньше $\frac{1}{4}$ части пригодной для культуры пшеницы площади, если исходить из подсчетов Кергера; $\frac{1}{6}$ —если основываться на подсчетах Фика ²⁾.

Через сколько времени эти остающиеся 10 миллионов гектаров могут быть обращены под культуру пшеницы? Если исходить из десятилетнего прироста площади под посевами пшеницы, фактически наблюдавшегося в Аргентине, то следует признать, что приращение в 2.500.000 гект. в десятилетие в ближайшее время едва ли будет достигнуто. Такое приращение привело бы к использованию всей пригодной под пшеницу площади в Южно-Американской республике через 40—50 лет, т. е. к 1960—1970 году.

Каких размеров к этому сроку достигнет в Аргентине сбор пшеницы?

В среднем за 1909—13 г. сбор пшеницы в Аргентинской республике выразился в 40.026.398 квинталов при средней площади посева в 6.495.744 гект.; это дает на гектар всего лишь 6,1 квинталов или 37,2 пудов в наших мерах. Если урожайность останется неизменной, то с 16 мил. гект. в Аргентине будет собираться в среднем 97.600.000 квинталов или 9.760.000 метрических тонн пшеницы. Величина эта совершенно несоизмерима с приводимой Кергером, который, повидимому, исходит из допущения сильного прироста урожайности и занятия под пшеницу значительно большей части удобной сельско-хозяйственной площади, чем в сделанном нами допущении. Быть может при известных условиях это когда-либо и осуществится. Однако мы имеем все основания сомневаться, чтобы столь значительный прирост продукции был возможен в ближайшие десятилетия. В этом меня убеждает следующее сопоставление. (См. таблицу на 81 стр.).

Если, основываясь на этих данных, мы допустим даже маловероятное, а именно повышение сборов пшеницы в Аргентине на 3 миллиона тонн в десятилетие, то придем к выводу, что вычисленный Кергером сбор в 55,2 миллионов тонн может быть полу-

¹⁾ Ср. стр. 76.

²⁾ Ср. выше, стр. 79.

Г О Д Ы.	Сбор пше- ницы ¹⁾ в Аргентине в тоннах.	Повышение (+) или уменьшение сборов (-) пше- ницы сравнительно с предшествующим годом в тоннах.	Прирост сборов пшеницы по пяти- летиям (последнее — четырехлетие) в тоннах.
1890—91 . . .	845.000	—	} + 517.000
1891—92 . . .	980.000	+ 135.000	
1892—93 . . .	1.593.000	+ 613.000	
1893—94 . . .	2.238.000	+ 745.000	
1894—95 . . .	1.670.000	- 568.000	
1895—96 . . .	1.263.000	- 407.000	} + 771.438
1896—97 . . .	860.000	- 403.000	
1897—98 . . .	1.453.000	+ 593.000	
1098—99 . . .	2.857.137	+ 1.404.137	
1899—90 . . .	5.766.589	- 90.548	
1900—901 . . .	2.034.438	- 732.151	} + 1.637.793
1901—902 . . .	1.534.405	- 500.033	
1902—903 . . .	2.823.853	+ 1.289.448	
1903—904 . . .	3.529.100	+ 705.247	
1904—905 . . .	4.102.600	+ 573.500	
1905—906 . . .	3.672.231	- 430.369	} + 493.325
1906—907 . . .	4.245.434	+ 1.173.203	
1907—908 . . .	5.238.705	+ 993.271	
1908—909 . . .	4.250.086	- 988.619	
1909—910 . . .	3.565.556	- 684.530	

чен в Аргентине через 17,7 десятилетий после 1900 года, т. е. через полтора века после переживаемого нами момента.

Таковы перспективы пшеничной продукции в Южно-Американской республике.

Сравним ее теперь с ростом населения этой страны и, следовательно, ростом его потребностей в основном продукте питания.

¹⁾ «Statistique Agricole 1910—11», Buenos-Ayres, 1911, стр. 39.

В Аргентине числилось населения ¹⁾:

В 1861 году	1,4	миллиона
„ 1884 „	2,8	„
„ 1894 „	3,85	„
„ 1903 „	4,86	„
„ 1913 „	7,46	„
„ 1920 „	8,53	„

Мы имеем удвоение населения в первые 23 года и более чем удвоение в последнее 26-летие. Следовательно, вряд ли мы делаем натяжку, исходя из полной возможности удвоения населения Аргентины в последующем в 25-летние промежутки времени. Это дает к 1970 году свыше 34 миллионов населения, а через полтора десятилетия, к 2070 году, 545 миллионов с лишком.

Какое количество пшеницы потребуется для снабжения этого населения?

По данным использованного мною аргентинского урожайного сборника в 1903—4 отчетном году населением Аргентины было потреблено 700.000 тонн пшеницы ²⁾, численность его в 1903 году, как мы уже знаем, была 4,86 миллиона. Отсюда заключаем, что потребление пшеницы на душу населения выразилось в 0,14 тонн или 8,5 пудов в год. Это очень низкая норма. Очевидно, продовольственный бюджет населения Аргентины складывается своеобразно и надо полагать, что мясные продукты в этой стране, с сильным развитием скотоводства, составляют весьма существенную часть пищи людей. По мере того, как население будет расти и большая теснота жизни приведет к своему неизбежному последствию—большой скудности, питание жителей Аргентины, несомненно, сложится более скромно и растительная пища будет составлять более значительную его часть.

Однако, если исходить даже из нормы в 0,14 тонн пшеницы в год на душу населения, то это все-же составит для 545 миллионов населения 76,3 миллиона тонн. Между тем наивысшая продукция пшеницы в Аргентине согласно расчетам Кергера должна выразиться в 55,2 миллиона тонн; из этого количества придется еще скинуть посевные семена; за вычетом их, останется около 50 миллионов тонн,—т. е. в полтора раза меньше того количества пшеницы, которое по самому скромному подсчету потребуется для пропитания населения Аргентины ко времени достижения в ней максимальной пшеничной продукции при условии

¹⁾ Первые четыре данных по R. v. d. Borgh, стр. 2, последние два по указанному сборнику Отдела иностранной статистики Ц. С. У.

²⁾ «Statistique Agricole 1910—11 г.г.» *ibid.*

прироста населения, фактически имевшего место до настоящего времени. Ясно, что такая степень перенаселения для Аргентины немыслима и значительно раньше наступления срока, отстоящего от современного момента на 150 лет, должны в ней произойти социальные процессы, которые задержат дальнейший прирост населения. К тому же мы имеем все основания предполагать, что страны, уже перенаселенные в настоящее время, столь сильно заинтересованы в продуктах питания, доставляемых им из Южно-Американской республики, что примут все меры воспрепятствовать сокращению экспорта оттуда пищевых веществ и наперерыв будут стремиться отвоевать себе каждая возможно большую их часть ¹⁾.

Попытаемся теперь произвести подсчет для срока более близкого.

Как мы уже знаем, через 50 лет население Аргентины при современном темпе своего возрастания достигнет численности в 34 миллиона и, следовательно, будет потреблять ежегодно по крайней мере $34.000.000 \times 0,14 = 4,76$ миллиона тонн пшеницы. Производство пшеницы в Аргентине согласно нашему подсчету к этому времени при стационарной урожайности может достигнуть 9,76 миллионов тонн. Скидывая с этого количества 20% на посевные семена, получаем чистый сбор 7,81 миллионов тонн.

Отсюда заключаем, что лет через 50, т. е. ко времени, когда вся пригодная для культуры пшеницы площадь в Аргентине будет использована и повышения продукции можно будет ожидать лишь от интенсификации сельского хозяйства, население этой страны будет потреблять около 60% чистого сбора, а для экспорта останется около 3 миллионов тонн, достаточных по скромному подсчету для прокормления 20 миллионов населения. Если мы сопоставим с этим хотя бы прирост одного лишь населения С.-А. Соединенных Штатов, которое при прежнем темпе возрастания должно к этому времени достигнуть 400 с лишком миллионов, а также припомним, что страна эта уже в настоящее время при 100 с небольшим миллионах населения переходит к потреблению привозной пищи, то картина мировой борьбы за эти 3 миллиона тонн пшеницы в ближайшие десятилетия станет для нас достаточно ясна.

И это должно произойти в ближайшие десятилетия.

Стоит ли после сказанного обращаться к подсчетам для Канады, Австралии?

¹⁾ По данным сборника Отдела иностранной статистики Ц. С. У., ежегодное производство пшеницы в Аргентине за период 1909—13 г.г. в среднем равнялось 40.026.398 квинталов, экспортировалось же ее ежегодно в среднем за тот же период 25.865.851 квинталов, что составляло 64,6% продукции. На долю внутреннего потребления оставалось, следовательно, всего лишь 35,4%.

Однако, для полноты картины я постараюсь бросить хотя бы беглый взгляд на перспективы, открывающиеся перед этими странами. При этом я снова остановлюсь лишь на продукции пшеницы.

В Канаде пригодная для различных форм сельского хозяйства площадь исчисляется в 440 миллионов акров, что составляет приблизительно 30% всей площади страны ¹⁾. При соотношении площади под пшеницей и всей площади, пригодной для земледельческих культур, тождественном таковому в Соединенных Штатах С. А. (что очень мало вероятно, вследствие более сурового климата Канады), максимальная площадь под посевами пшеницы может достигнуть не больше 73 миллионов акров. Из них 18.263.118 акров к 1920 году было уже занято культурой этого хлеба ²⁾.

Площадь под посевами пшеницы возросла в Канаде следующим образом:

ГОДЫ.	Площадь под пшеницей.	Средний ежегодный прирост пшеничной площади ³⁾ .
	В тысячах акров.	
1871	1.647	+ 72
1881	2.367	+ 33
1891	2.701	+ 152
1901	4.225	+ 687
1911	11.101	+ 796
1920	18.263	

Необычайно сильное увеличение посевов пшеницы за последнее время было несомненно вызвано состоянием международного хлебного рынка во время и после великой европейской войны. После 1920 г. в Канаде оставалась неиспользованной под культуру пшеницы площадь в 55 миллионов акров максимально. Если мы допустим, что впрямь площадь под культурой пшеницы в Канаде будет ежегодно возрастать в среднем на 1 миллион акров, то к 1975 году посевы этого хлеба должны достигнуть в ней своего наивысшего развития.

Каково должно быть к этому сроку производство пшеницы в Канаде? Трудно делать об этом какие-либо солидно обоснованные предположения.

¹⁾ См. Гельдштейн, I. с., стр. 80.

²⁾ По сборнику Отдела иностранной статистики Ц. С. У.

³⁾ По Гельдштейну I. с. стр. 74 и Сборнику Отд. иностр. стат. Ц. С. У.

Урожаи пшеницы на девственных почвах Канады довольно значительны. Они были:

ГОДЫ.	Пудов с дес.	Квинталов с акра ¹⁾ .
1907	68	4,1
1908	79	4,7
1909	96	5,8
1910	72	4,3
1911	93	5,6
<hr/>		
Среднее	81,6	4,9

Исходя из допущения, что при экстенсивных формах хозяйства они и впрямь не будут превышать 5 квинталов с акра, мы приходим к заключению, что максимальная площадь под пшеницей в Канаде в 73 миллионов акров может дать 355 миллионов квинталов или 35,5 миллионов тонн пшеницы. За вычетом посевных семян, этого количества хватит для снабжения 80 с небольшим миллионов населения.

Я исхожу при этом из следующих расчетов. По данным сборника Отдела Иностранной Статистики Ц. С. У. ежегодное производство в Канаде пшеницы в среднем за пятилетие 1909—1913 г.г. равнялось 53.647.786 квинталов. Из них 10% скидываем на посев; далее скидываем перевес вывоза пшеницы над привозом ее в Канаду, который в среднем за то же пятилетие выразился в 20.151.775 квинталов. Остающиеся 28.131.233 квинтала были, очевидно, потреблены внутри страны. В срединный год этого пятилетия, в 1911 году, в Канаде числилось 7.204.838 душ населения. Делением среднего остатка сбора пшеницы на эту численность населения я получаю приблизительно величину потребления пшеницы на душу населения Канады. Она оказывается равна 3,9 квинталам.

При такой норме потребления 35,5 миллионов тонн пшеницы, за вычетом посевных семян, хватит на 80 с небольшим миллионов населения. Между тем население Канады к 1975 году, при удвоении его в 25-летний период, должно достигнуть численности, превышающей 35 миллионов ²⁾. Из этого сопоставления мы мо-

¹⁾ По данным «Сборника стат.-экономических сведений к сельскому хозяйству» Г. У. З. и З. 1913 г.

²⁾ В 1920 г. в Канаде числилось 9.030 тысяч населения. См. упомянутый сборник «Мировое сельское хозяйство».

жем заключить, насколько Канада в состоянии будет удовлетворить мировому спросу на основные продукты питания в то время, как одному лишь соседу их, Соединенным Штатам С. А., при удвоении их населения в 25-летний период придется изыскивать средства для снабжения своего 400-миллионного населения.

Мы снова наталкиваемся на несообразность, которая укрепляет нашу уверенность в том, что задолго до этого момента должны наступить процессы, которые сократят, если не прекратят совершенно прирост населения в большинстве стран мира.

Австралия, большая часть которой представляет плоскогорье с засушливым климатом, вряд ли может поддерживать надежды оптимистов. Достаточно бросить взгляд на картограмму выпадения в ней осадков, чтобы убедиться в этом. (См. картограмму в конце книги).

При этом не следует забывать что „лишь количество осадков более 500 миллиметров считается вполне достаточным для успешного развития сельского хозяйства; при количестве годовых осадков менее 250 миллиметров земледелие при обыкновенных условиях невозможно—земли получают характер пустынь; местности же, в которых количество осадков колеблется по годам от 500 до 250 миллиметров, носят полусухой характер“²⁾.

Если мы обратим далее внимание на то, что большая часть достаточно увлажненной территории Австралии представляет тропическую страну, перспективы продукции в ней зерновых хлебов станут для нас достаточно ясны. Не забудем, что площадь Австралии, равная 1.802.629 квадратных километров, составляет всего лишь $\frac{3}{4}$ площади Европы и $\frac{4}{5}$ Канады. Гольдштейн принимает всю площадь свободных земель Австралии в 947 миллионов акров. Однако, он не упоминает, какая часть ее пригодна для культуры зерновых хлебов³⁾.

Площадь под посевами пшеницы возрастала в Австралии следующим образом⁴⁾:

¹⁾ Взято из «Official Year-Book of the Commonwealth of Australia 1901—1909, Melbourne 1910, стр. 106.

²⁾ См. статью проф. Е. Скорнякова, стр. 18, в изд. Н. К. З. «Орошение Юго-Востока» 1921 г.

³⁾ Гольдштейн I. с. 128 стр. 947 миллионов акров равны 350 милл. десятиин приблизительно. Между тем вся площадь Австралии равна 2.974.581 кв. миль, что составляет около 765 миллионов десятиин; ср. с приведенной выше картограммой.

⁴⁾ Для всех годов, кроме 1920, по Гольдштейну I. с. стр. 128. Для 1920 г. по сборнику Отдела Иностранной Статистики Ц. С. У.

Г О Д Ы.	Площадь под пшеницей в Австралии.	Средний ежегодный прирост площади под пшеницей.
		В а к р а х.
1860—61	644.000	} + 48.000
1870—71	1.124.000	
1880—81	3.054.000	+ 193.000
1890—91	3.229.000	+ 17.500
1900—01	5.667.000	+ 243.800
1910—11	7.372.000	+ 170.500
1920	9.514.000	+ 214.000

Из таблицы мы можем заключить, что площадь под пшеницей в Австралии возрастала в последние десятилетия гораздо медленнее, чем в Аргентине и Канаде. Долго ли еще и до какого предела может она увеличиваться?

Я в этом вопросе не стану здесь разбираться.

Австралия—страна, где скотоводство составляет основу и главную доходную статью сельского хозяйства.

Экспорт из Австралии продуктов растениеводства и скотоводства составлял (в фунтах стерлингов)¹⁾:

Наименование продуктов.	Г О Д Ы:		
	1904	1906	1908
Растительная пища	6.930.685	6.663.267	4.710.815
Растительные вещества	149.684	281.121	231.618
Табак и т. п.	26.622	40.444	83.142
Всего раст. прод.	7.106.991	6.984.832	5.025.567
Животная пища	4.141.652	5.648.049	4.841.315
Живой скот	250.334	315.043	263.737
Животн. вещества	18.755.610	25.696.491	25.431.142
Кожи	424.806	591.208	573.742
Всего животн. прод.	23.572.402	32.250.791	31.109.936

¹⁾ Таблица составлена мной по Official Year Book of the Commonwealth of Australia 1901—1909 Melbourne 1910 стр. 615. К сожалению, более поздними данными я не располагаю. Однако вряд ли характер экспорта из Австралии в последнее время сильно изменился.

Главную составную часть животных продуктов, экспортируемых из Австралии, как известно, составляет шерсть.

Возникает вопрос, насколько целесообразно, в интересах мирового хозяйства, сокращать в Австралии, а также в других еще просторных колониальных странах производство животной пищи и продуктов животноводства за счет развития культуры зерновых хлебов? Не следует забывать, что в настоящее время именно эти страны являются главными поставщиками на международный рынок продуктов животноводства, которыми мир снабжен далеко не обильно. Анализ продовольственных бюджетов европейского населения является в этом отношении достаточно показательным.

Количества скота, приходившееся на 100 человек населения в 1921 году ¹⁾:

СТРАНЫ.	Лошади.	Крупный рогатый скот.	Овцы.	Свиньи.
Австралия	44,5	233,8	1389,6	12,8
Аргентина	101,4	314,9	520,8	37,1
Канада (20 г.)	43,4	116,3	41,9	44,5
Соед. Шт. С. А.	18,1	62,0	35,4	53,0
Соед. Королевство	4,6	25,1	51,2	7,6
Франция	6,7	33,7	23,9	12,6
Германия	6,1	28,1	9,8	26,5
Италия	2,7	16,9	31,9	6,3

Из таблицы видно, насколько Австралия и Аргентина по численности скота опережают другие страны. Соед. Штатам Северной Америки уже недостает собственной животной пищи; как мы видели, это вызвало потребность в импорте ее туда из Южной Америки и Австралии; и все же они гораздо более обильны скотом, по сравнению со странами Западной Европы. Отсюда можно заключить, насколько велик должен быть недостаток животной пищи туземного происхождения в Западной Европе.

¹⁾ По данным международного сельскохозяйственного института: «Annuaire international de statistique agricole 1909—1921». Rome, 1922.

Для характеристики размеров скотоводства в довоенное время, привожу данные для 1911 года ¹⁾:

СТРАНЫ.	Лошади.	Крупный рогатый скот.	Овцы.	Свиньи.
Австралия	51,1	265,5	2087,6	24,9
Аргентина	119,1	385,4	1076,6	38,8
Канада	36,2	90,6	30,1	50,1
Соед. Шт. С. А.	22,0	65,7	58,3	71,3
Соед. Королевство	4,9	26,2	67,4	9,4
Франция	8,1	36,4	41,4	16,9
Германия	6,9	31,0	8,9	33,7
Италия	2,7	17,8	32,2	7,2

До последнего времени Аргентина играла первенствующую роль в деле снабжения Европы животной пищей. До 1883 года Аргентина ввозила в Европу только сало, рога и кожи. Но с изобретением рефригаторов и установкой их на пароходы начался экспорт оттуда мясных туш. Он рос следующим образом:

ГОДЫ.	Вывезено мороженых туш из Аргентины (в среднем ежегодно).	
	Быков.	Баранов.
1896	9.355	1.922.304
1896—1900	27.156	2.312.286
1901—1905	270.533	3.326.632
1906—1910	578.981	3.350.793
1910	735.000	4.000.000

Даже из Австралии, удаленной от Англии на 40—60 дней пути, мясо получается в последней вполне удовлетворительного качества ²⁾. Но главным продуктом животного происхождения, экспортируемым Австралией, является шерсть.

¹⁾ По данным того же сборника.

²⁾ См. К. А. Пажитнев: «Современная дороговизна на Западе и в России», Харьков, 1912 г., стр. 4.

Мировое производство шерсти ¹⁾:

	Перед	В 1918 г.
	войной.	
В тысячах тонн.		
Всего	1,292	1,254
В Австралии	400	331
» Южной Америке	210	210
» Северной Америке	150	142
» Африке	90	93
» Соедин. Королевстве	60	56
Во Франции	37	29
В Германии	12	11

Главной потребительницей продовольственных продуктов, обращающихся на международном рынке, является Европа.

Перевес привоза над вывозом скота и продуктов животного происхождения в двух крупных промышленных государствах Европы выразился в следующих величинах ²⁾:

Соединенное Королевство.

Название предметов импорта.	1909 г.		1910 г.		1911 г.	
	тыс. пуд.	тыс. р.	тыс. пуд.	тыс. р.	тыс. пуд.	тыс. р.
Мясо	58,335	381,121	59,888	409,145	65,271	417,703
Молоко сгущенное	2,037	9,581	1,770	7,895	2,167	9,904
Масло	12,595	212,140	13,410	232,684	13,336	232,725
Сыр	7,409	64,611	7,617	64,695	7,279	67,544
Яйца (тыс. шт.)	2,125,252	68,433	2,201,296	69,312	2,287,947	75,377
Рогат. скот (штук)	316,959	50,954	214,364	36,385	195,847	34,462
Овцы (шт.)	713	683	7,412	582	44,615	416
Шерсть	20,676	278,373	21,234	305,966	21,304	299,298

¹⁾ Проф. Н. Д. Кондратьев: «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны», Ярославль, 1922 г., стр. 39.

²⁾ Подсчитано мною по данным «Сборника статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству». Изд. Г. У. З. и З. 1913 г. См. также таблицу проф. Воейкова, помещенную на стр. 70.

Германия.

Название предметов импорта.	1909 г.		1910 г.		1911 г.	
	тыс. пуд.	тыс. р.	тыс. пуд.	тыс. р.	тыс. пуд.	тыс. р.
Мясо	1,507	11,958	1,543	10,902	1,592	12,079
Молоко и сливки всяк.	2,843	10,063	2,958	10,456	3,740	14,202
Масло	2,690	44,692	2,525	42,006	3,379	55,896
Сыр	1,281	13,421	1,276	13,344	1,275	14,046
Яйца	8,357	72,487	9,205	82,410	9,589	78,614
Рогатый скот (штук)	209,540	33,930	227,870	37,479	186,973	28,711
Шерсть	11,529	161,877	11,590	172,369	11,209	161,992

Спрашивается, откуда Европа будет черпать все эти количества животной пищи и продуктов животноводства, когда Аргентина и Австралия, в связи с ростом своего населения, перейдут к более интенсивным, зерновым системам хозяйства, что неизбежно должно быть связано с сокращением скотоводства? Пример Соединенных Штатов С. А. и западно-европейских государств достаточно убедителен.

Все эти вопросы поставлены на очередь состоянием современного мирового хозяйства.

Весьма важным симптомом наступившего перелома является движение цен. Цены на основные хозяйственные блага начали расти уже с половины 90-х годов прошлого века и этот процесс непрерывно продолжается.

До 1913 года рост цен на основные пищевые продукты на европейских рынках выразился в следующих величинах:

1) С 1890 г. по 1899 г., а также 1911—1913 г.г. сведения взяты из «Свода товарных цен» изд. Мин. Финансов. С 1901 по 1910 г.г. заимствованы из «Сборника статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству» изд. Гл. Упр. Земл. и Земледел. за 1913 г. Ср. мою статью в «Агрономическом журнале» за 1915 г., №№ 5 и 6.

Продукты.	Р Ы Н К И.	К о п е й к и з а п у д.				
		1890—94 г.	1895—99 г.	1901—05 г.	1906—10 г.	1911—13 г. ¹⁾
Рожь.	Мангейм	131,9	109,7	113,5	137,9	139,5
	Антверпен	91,1	76,4	82,0	99,1	98,8
Пшеница.	Лондон (русская озимая)	110,5	100,8	107,6	129,0	128,2
	Марсель (озимая)	111,1	103,8	105,1	127,8	132,1
Масло.	Петербург (русское)	3 р. 52 к.	3 р. 55 к.	3 р. 94 к.	4 р. 82 к.	6 р. 11 к.
	Москва (быков степных)	3 " 76 "	3 " 80 "	4 " 39 "	5 " 56 "	6 " 11 "
	Берлин (говядина средн.)	8 " 85 "	8 " 70 "	9 " 66 "	10 " 76 "	12 " 44 "
	Лондон (говядина средн.)	8 " 65 "	8 " 17 "	8 " 28 "	8 " 28 "	9 " 58 "
Масло.	Петербург (сибирское)	9 " 25 "	9 " 68 "	—	14 " 26 "	15 " 14 "
	Москва (густое сливочное)	13 " 97 "	13 " 36 "	14 " 38 "	16 " 39 "	17 " 33 "
	Лондон (датское)	—	15 " 97 "	16 " 19 "	17 " 88 "	19 " 60 "

К. А. Пажитнев, исследовавший движение цен на основные жизненные блага, в начале текущего столетия отмечает, что с наступлением XX-го века удорожание стоимости жизни принимает угрожающие размеры.

Принимая за 100 уровень цен за десятилетие 1890/99 г.г., он устанавливает следующие индексы:

Годы.	Годы.		
1900—904	110,9	1907	131,1
1905	115,4	1908	125,0
1906	124,9	1909	127,8
		1910	128,8

Вздорожание наблюдается по всем без исключения продуктам ¹⁾.

Из приведенной мною таблицы мы видим, что в России, стране экспорта продовольственных веществ, рост цен был еще более значителен, чем в странах-потребительницах. То-же наблюдалось и в Соединенных штатах Сев. Америки

Если принять за 100 средние цены за 1890/99 г. г., то относительные розничные цены в Соединенных Штатах выражаются так ²⁾:

Г о д ы.	Индекс, выведенные соотв. погр. раб. класса.	1-е филе.	Окорок.	Пшеничная мука.	Яйца.	Картофель.
1896	95,2	98,8	96,5	94,2	90,3	78,8
1900	103,0	107,1	106,9	94,6	99,1	92,8
1906	120,3	114,2	127,8	108,3	134,2	114,6
1910	144,1	134,0	159,4	135,9	158,2	119,9
1912	154,2	153,0	160,4	132,9	162,5	168,2

Мясной вопрос возникает в крупных городах уже с конца 60-х годов. В Петербургской городской думе уже в 1866 году работала особая комиссия для исследования причин вздорожания мяса в столице. Она пришла к заключению, что потребление мясных продуктов внутри и вне государства растет, между

¹⁾ См. К. А. Пажитнев: «Современная дороговизна на Западе и в России», Харьков 1912 г., стр. 22.

²⁾ См. Н. А. Бородин, I. с., стр. 192—193.

тем как внутреннее производство скота не развивается параллельно этому росту... Степи начали заселяться и земледелие в них стало возрастать за счет сокращения скотоводства ¹⁾...

Рост цен на основные продукты питания должен был повлечь за собой сокращение и ухудшение потребления. В книге К. А. Пажитнева приведены следующие аргументы, подтверждающие, что в Москве, например, действительно наблюдалось ухудшение питания. В ней было потреблено главнейших пищевых продуктов (в пудах на душу населения):

ГОДЫ.	Пшеница (в переводе в муку).	Рожь.	Всех продовольственных хлебов.	Мясо.
1881—85	5,26	9,56	18,46	—
1886—90	5,01	9,14	16,84	—
1891—95	5,10	7,92	15,27	3,0
1896—900	5,23	7,30	14,79	3,5
1901—905	4,99	6,77	13,44	3,6
1905	5,11	5,76	12,44	3,7
1907	3,50	6,27	—	3,0
1908	—	—	—	2,8

В Петербурге общее количество мяса, поступившего в виде туш или в виде живого скота, выражалось в 1908 году цифрой 11.184.732 пудов, в 1909 г.—11.084.779, в 1910 г.—10.854.615 пудов. Между тем население Петербурга возрастало за это время ежегодно приблизительно на 50.000 человек ²⁾.

В годы, предшествовавшие великой европейской войне, рост цен на основные жизненные блага сильно волновал европейское общество. На многочисленных народных собраниях, в органах печати, в муниципалитетах и разных других общественных учреждениях в Германии, Франции, Австрии и Италии не раз раздавались жалобы на непомерно возросшую дороговизну жизни и настойчиво повторялось требование энергичных мер в защиту интересов потребителей.

¹⁾ К. А. Пажитнев, I. с., стр. 23.
²⁾ Пажитнев, I. с., стр. 48.

Осенью 1911 года на почве дороговизны в Западной Европе вспыхнули серьезные беспорядки ¹⁾...

Во время европейской войны цены на основные хозяйственные блага упорно продолжали расти.

Цены сельскохозяйственных продуктов в золотом франке за квинтал для главнейших рынков с 1913 г. по 1920 г. были следующие (средние годовые) ²⁾:

Продукты.	Р ы н к и.	1913	1914	1915	1916	1917	1918
Пшеница.	Франция (Париж)	27,8	27,5	30,0	29,4	39,0	57,7
	Соединенное Королевство	18,3	20,2	30,7	33,7	43,9	42,2
	Канада	16,7	19,0	24,7	26,9	42,8	42,5
	Соединенн. Штаты (Чикаго)	18,1	19,7	26,1	27,5	45,0	43,4
Сахар.	Канада	46,8	52,2	68,8	80,1	88,9	94,6
	Соединенн. Штаты (Нью-Йорк)	48,3	53,9	64,8	80,6	89,6	90,9
Хлопок (за 1/2 квинт.).	Соединенн. Штаты.	73,0	65,5	59,4	84,5	137,3	185,5
	Египет	105,3	90,2	81,5	154,7	231,8	222,5
	Соединенное Королевство	90,2	82,6	67,9	108,5	189,3	280,6
Говядина.	Франция (Париж)	161,0	175,0	203,1	222,0	255,2	378,9
	Соединенное Королевство	146,8	152,4	194,8	228,2	300,0	296,9
	Канада	128,9	153,1	148,1	149,4	191,0	250,6
	Соединенн. Штаты (Нью-Йорк)	142,6	153,8	146,7	155,8	191,7	244,4
Свинина.	Соединенное Королевство	184,9	175,4	207,5	265,2	327,0	370,9
	Франция (Париж)	180,0	161,0	204,1	289,4	384,7	526,8
	Соединенн. Штаты (Чикаго)	145,2	151,2	134,4	173,5	290,2	325,0

¹⁾ Пажитнев, I. с., стр. 49.
²⁾ Таблица составлена по данным «Мирового Сельского Хозяйства», изд. Наркомзема 1922 г.

По всей вероятности найдутся такие сторонники количественной теории денег, которые будут стремиться объяснить этот головокружительный рост цен падением стоимости денег и увеличением количества драгоценных металлов на мировом рынке. И вероятно еще долго аргументация их будет заполнять экономическую литературу. По мере роста населения колониальных стран, по мере захвата и использования еще остающегося кое-где земельного простора, снабжение Европы заокеанским сырьем и продовольствием будет становиться все более скудным; соотношение спроса и предложения основных хозяйственных благ будет делаться все менее благоприятным. Условия жизни будут становиться все более тяжелыми, все более мрачными. Социальная борьба за право жизни достигнет небывалого напряжения. А сторонники количественной теории денег будут продолжать тянуть свою старую песню.

Мировые запасы золота увеличились с 1900 г. по 1910 г. на 25%. За это время прошло следующее расширение экономической деятельности:

	Увеличение в %/о
Длина мировой сети железных дорог	27,5
Грузооборот 7 главнейших европейских гаваней (в тоннах)	37,5
Мировой торговый флот (в тоннах)	44,3
Ввоз в 12 важнейших государствах	54,7
Вывоз в 12 важнейших государствах	20,5
Мировое производство меди	75,9
" " каменного угля	49,4
" " железной руды	57,0
Производство чугуна в Соединен. Штатах, Велико- британии и Германии	67,1 ¹⁾

Конечно, все это недостаточно убедительно. Защитники количественной теории денег в состоянии навести большого тумана и смутить даже ясные головы. В переживаемое нами время „валютного хаоса“ истинные причины экономических явлений заслонены больше, чем когда-либо. Факторы второго порядка и дальнейших порядков бросаются нам в глаза и нам трудно установить их истинный удельный вес. Глубочайшие причины социальных явлений часто ускользают из поля нашего зрения.

¹⁾ См. Пажитнев, С. С., стр. 55.

Однако трудно отрицать, что финансистам, отмежевывающимся от материальной стороны производственных отношений, становится все труднее аргументировать; беспомощность их в искании выходов из создавшегося безнадежного положения становится все более очевидной... Их „рабочая гипотеза“ оказывается мало пригодной...

Когда мы анализируем явления хозяйственной жизни, нас поражает многообразие определяющих их факторов. Определение их значимости в жизни общества встречает огромные затруднения. Здесь мыслимы грубейшие ошибки. Нам поневоле приходится полагаться на интуицию и создавать рабочие гипотезы. Они могут в весьма различной степени быть „приспособлены к существованию“; одни пускают глубокие корни и дают пышные плоды; другие отмирают, не успев расцвести. При этом жизнеспособность гипотез, их согласованность с фактами действительности и способность устоять под напором критики служит лучшей гарантией их доброкачественности...

В своем анализе хозяйственной действительности я также пользуюсь рабочей гипотезой: я исхожу из признания, что глубочайшими, основными факторами ее являются природа с ее запасами веществ и сил и хозяйствующее человеческое общество. Что может быть более основного в хозяйственной жизни?

Безразлично или нет для результатов хозяйственной деятельности, сколько природных благ приходится в среднем на каждого хозяйствующего человека?

Техника прогрессирует; человечество приобретает все новые возможности ускорять процесс переработки сырых веществ; их требуется все больше на единицу рабочего времени. Одновременно с прогрессом культуры растут и потребности людей; для насыщения их нужны все большие количества материальных и нематериальных благ. Безразлично ли при этом или нет, какими природными ресурсами располагает человеческое общество? Если нет, то желательно ли, чтобы ресурсы эти возрастали при росте производственных возможностей и прогрессе культуры? Нет ли прямой зависимости между высоким уровнем благосостояния колониальных стран и их земельным простором? Но что означает земельный простор, как не редкую населенность? Ведь это по существу лишь два способа выражения одного и того же понятия. Чего желать, к чему стремиться в организационно-хозяйственной деятельности? Не правда ли, к всеобщему росту благосостояния, к переходу от животных условий существования к условиям, достойным человека, когда люди будут иметь, наконец, возможность и время заняться предметами более возвышенными, чем теми формами борьбы за существование, которые либо превращают человека в автомат, работающий со все ускоряющейся быстротой и не имеющий физической возможности возвыситься над этим ме-

ханическим состоянием, либо делают из него хищника с его звериным образом жизни? Не правда ли, нам следует стремиться к созданию тех отношений в обществе, когда всеобщее братство перестанет быть пустым звуком, когда осуществление идеалов международной федерации и всеобщего мира станет действительно возможно, когда война станет анахронизмом? Однако, мыслимо ли это при том состоянии общества, когда перенаселение приводит среднего человека к альтернативе либо мириться с скудными условиями существования, либо стремиться в одиночку, но лучше, для большего успеха, совместно с сообщниками отнимать у людей их средства существования, используя их имущество, эксплуатируя их труд, сокращая их жизнь или, наконец, устраняя их из этого мира более решительными и прямыми способами?..

Задачу этого очерка составляло показать, что лишь по роковому недоразумению люди до сих пор не вырешили, что такое перенаселение, и что это обстоятельство заслоняло перед нами явление, повидимому, господствовавшее в истории и составляющее основной фон современности.

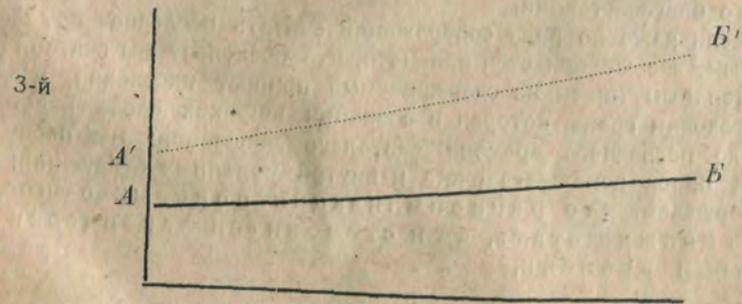
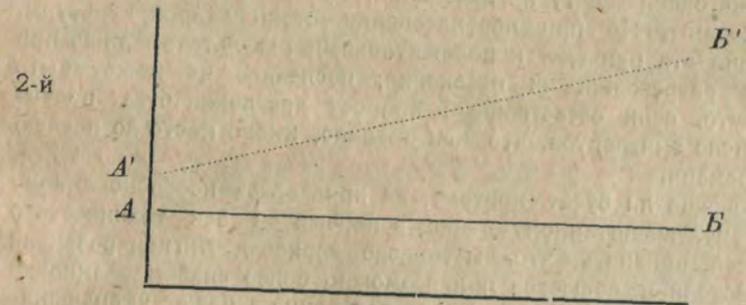
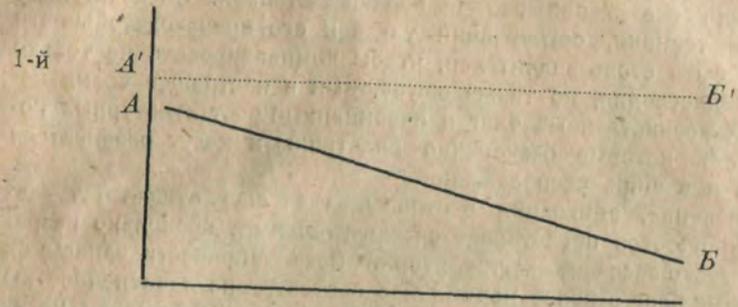
Если мы примем, что под нормальной населенностью следует понимать такую численность населения, при которой производительность человеческого труда в случае правильной его организации и использовании всех природных ресурсов и технических возможностей могла бы достигнуть наивысшего развития, то образцов и приближений к этой нормальной населенности нам придется искать по ту сторону океана, а не в Старом Свете, не в Европе, не в старых странах азиатской культуры, не в Индии, не в Китае и не в Японии с их густым, но скудно снабженным населением.

Перенаселение не призрак, а действительность.

Выйти из этого состояния возможно лишь путем изменения соотношения между запасами природных благ и численностью населения в направлении, благоприятствующем возрастанию уровня снабжения. Каким образом может быть это достигнуто? Либо через уменьшение численности населения при прежнем уровне продукции, либо через возрастание продукции при стационарном населении или, наконец, при возрастании последнего, но более медленном, чем рост продукции. (См. диаграммы на 99 стр.).

Вряд ли кто-либо из нормально мыслящих людей может признать желательным первый способ, поскольку он достигается обычными в истории процессами: войнами, голодовками и эпидемиями. В наибольшей степени должен удовлетворять общественному сознанию третий случай, когда возрастание производительности труда настолько значительно, что превышает естественный прирост населения. Однако здесь следует остерегаться излишнего оптимизма. Из сопоставлений, приведенных в начале моего исследования, можно с уверенностью заключить, что никакой тех-

Графически эти три случая можно изобразить так:

где $A'B''$ — изображает рост продукции, а AB — движение населения.

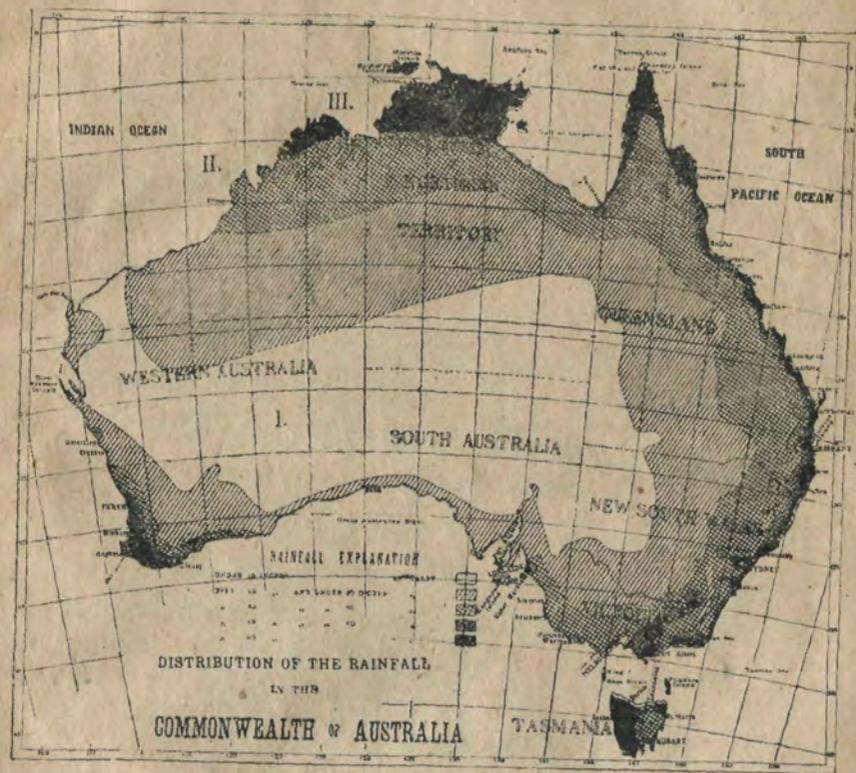
нический прогресс не в состоянии поспеть за естественным, не сдерживаемым ни человеческой волей, ни разрушающими процессами, приростом населения. Притом же нам никогда не следует терять из виду, что потребности человеческого общества далеко не удовлетворены и что по мере развития культуры они должны возрастать все в большей и большей степени. Следовательно прогресс техники, организации труда и его производительности должен быть столь значителен, чтобы компенсировать не только прирост населения, но также ощущаемый в настоящее время недостаток хозяйственных благ и несомненный рост культурных потребностей, которые бесконечно эластичны и могут развиваться в глубь и в ширь беспредельно.

Расселение, эмиграция в страны, где еще существует земельный простор представляется желательным, поскольку разрежение густо-заселенных территорий может привести запасы их природных благ в более нормальное соответствие с численностью их населения, а природные ресурсы колониальных стран могут быть, благодаря росту их населения, лучше и производительнее использованы. Но при перенаселении стран старой культуры, эмиграция эта приведет к положительным результатам лишь при условии разрежения их населения; последнее не может быть достигнуто, если естественный прирост населения будет превышать число эмигрантов, что, как правило, имело место до последнего времени.

Не лучше ли будет поэтому, не придаваясь необоснованному оптимизму, воспитанному в нас в пережитой век технического прогресса, признать, что мы гораздо вернее достигнем развития благосостояния общества при возможно более слабом размножении или даже стационарности населения. Даже уменьшение численности населения представляется мне не противоречащим росту его благосостояния.

Но если даже по ряду соображений считать последнее нежелательным, все же придется признать, что поскольку мы считаем нежелательным ничем не сдерживаемый прирост населения, мы уже переходим грань, которая в сознании широких слоев населения до последнего времени считалась священной; мы переступаем порог домашнего очага и внутри-семейных отношений; мы утверждаем, что рационализация половых отношений должна стать, да и становится фактически лозунгом времени,

Картограмма выпадения осадков в Австралии.

- I. Осадков менее 10 дюймов, или менее 253 м.м.
- II. Осадков от 10 дюймов до 20 дюймов, или от 253 м.м. до 506 м.м.
- III. Осадков более 20 дюймов или 506 м.м.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Предисловие	3
Введение	7
I. О геометрической прогрессии размножения человека	13
II. Перенаселение в толковании современных писателей	24
III. Критика господствующих определений	37
IV. Определение понятия перенаселения	45
V. Признаки современного перенаселения	60

1669

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

**Земельный вопрос в связи с проблемой
населенности. Москва, 1917 г.**

**О переводе капитала в трудовые эквиваленты.
Москва, 1922 г.**

СКЛАД ИЗДАНИЯ
при Издательстве В. С. Н. Х.
Кузнецкий пер., 3. Тел. 1-67-91 и 2-37-69.